

ДЕТЕКТИВ-**Н**ОСТАЛЬГИЯ

Илья без комментариев

Полное
погружение
в атмосферу
эпохи 80-х

Геннадий СОРОКИН

Детектив-ностальгия

Геннадий Сорокин
Пуля без комментариев

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сорокин Г. Г.

Пуля без комментариев / Г. Г. Сорокин — «Эксмо»,
2021 — (Детектив-ностальгия)

ISBN 978-5-04-118098-0

Конец эпохи СССР. В один из областных центров Сибири приезжает делегация американских СМИ. Ее тайная цель – организовать политическую провокацию со сносом памятника Ленину. Общественность города во главе с местными бизнесменами, активно приветствует подобную акцию. В самый разгар митинга неизвестный снайпер убивает банкира Мякоткина и ранит американского телеоператора. Расследование этого резонансного дела поручено старшему следователю Андрею Лаптеву. Он не сомневается, что к преступлению причастен близкий Мякотину человек. Чтобы доказать это, Лаптев идет на очень рискованный шаг...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-118098-0

© Сорокин Г. Г., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

43

Геннадий Сорокин

Пуля без комментариев

1

Кошмары снятся всегда под утро. Эту истину Сергей Козодоев усвоил много лет назад, будучи школьником. Сегодняшний понедельник не стал исключением. Проклятый сон снился ему, наверное, в сотый раз. Начался он точно так же, как и обычно. Сергей в отсутствие хозяина осматривал квартиру Константина Бурлакова, любовника своей матери.

Неожиданно Бурлаков вернулся домой, увидел разбросанные в спальне вещи и закричал: «Это еще что за бардак?»

Задыхаясь от бешеного сердцебиения, Козодоев схватил со стены кухонный молоток, выбежал в прихожую и со всего размаху ударил им в висок хозяина жилища.

Дальше сон имел несколько вариаций. Сегодня Сергей успел добежать до входной двери, но открыть ее не смог. Бурлаков одним прыжком догнал его и стал душировать. По опыту предыдущих снов Козодоев знал, что бороться с Бурлаковым бесполезно. Чтобы избавиться от кошмара, надо несколько раз порывисто вздохнуть.

Сергей резко, коротко и быстро сделал это, застонал и проснулся. Не включая свет, нашарил на прикроватной тумбочке сигареты, лежа в кровати, закурил.

«Сегодня все прошло на удивление быстро», – подумал он.

Но так благополучно кошмары заканчивались не всегда. Как-то во сне Козодоев решил не пытаться открыть дверь и убежать, а дать отпор хозяину квартиры. После удара молотком он отскочил не к двери, как обычно, а в угол прихожей и встал в оборонительную стойку.

Бурлаков увидел изменения в привычном сценарии, засмеялся и остался на месте. Руки его стали удлиняться, росли, пока не достигли шеи Козодоева. Напрасно в ту ночь Сергей старался оторвать цепкие пальцы от своего горла. Хватку Бурлакова разжать было невозможно. Козодоев стал задыхаться. От верной смерти его спасла жена.

– Ты что стонешь на всю квартиру? – растолкав Козодоева, спросонья раздраженно спросила она. – Опять кошмар привиделся? Сходил бы ты к психиатру.

– Заткнись! – зарычал Сергей. – Еще раз ты мне про врачей скажешь, я тебе финансирование обрежу. Будешь в одной шубе всю зиму ходить.

Жена обиделась и ушла на диван. На кровати все равно спать было невозможно. После кошмарных снов Козодоев просыпался мокрый, словно его прямо в постели окатили водой из ведра.

Зайдя в ванную смыть пот с лица, он взглянул на себя в зеркало и обомлел. На шее у него отчетливо проступили следы пальцев человека, душившего его во сне.

– Что это? – в ужасе прошептал Сергей. – Вчера этого не было!

Он примерил свою пятерню к шее. Все сходилось. Каждый палец вставал точно на место овального пятна, проступившего на коже.

– Это невероятно! – растерянно прошептал Сергей. – Сон не может материализоваться.

«А вдруг это жена? – с подозрением подумал он. – Проснулась ночью, стала меня душировать, а когда поняла, что ничего не получается, разбудила. Могла же она так сделать? Да, вполне. Только зачем? Хотела остаться богатой вдовой? Такая версия имеет право на существование, но она мало правдоподобна. После моей смерти жене пришлось бы объяснять следствию, при каких обстоятельствах я был убит. Не скажет же она, что ночью к нам проник злоумышленник и задушил меня прямо на супружеском ложе, в ее присутствии».

Козодоев еще раз примерил пальцы к горлу. Его пятерня подходила идеально, а вот для жены расстояние между пальцами было великовато.

«Это не она», – решил Сергей.

После этого памятного кошмара ему пришлось целую неделю выходить из дома в свитере с высоким воротником. Объяснять отцу и коллегам, что за следы у него на шее, Козодоев не собирался.

Выкурив сигарету, Сергей еще немного полежал, рассматривая в темноте потолок, и пошел принять душ. По опыту предыдущих кошмаров он знал, что уснуть после схватки с Бурлаковым все равно не удастся.

Стоя под струями горячей воды, Козодоев стал вспоминать, как прошел вчерашний вечер:

«Пить мы начали с самого утра. Вечером поехали в ресторан. За соседним столиком гуляла большая шумная компания. Я попробовал познакомиться с девушкой, сидевшей там, но два плечистых мужика не дали с ней потанцевать. Кто были эти здоровяки в малиновых пиджаках? По виду они бывшие спортсмены, а сегодня – начинающие бандиты-рэкетеры. Хорошо, что мы сцепиться не успели, а то опять поднялся бы скандал, который закончился бы милицией.

Так, что было после? Ах да! Я вызвал проститутку через агентство по оказанию интимных услуг и увел ее в кабинет директора ресторана. Потом?.. Как я попал домой? Сам дверь открыл или мне кто-то помог?»

Приведя себя в порядок, Козодоев поставил чайник, достал тетрадь и сделал запись:

«11–12.10.1992 г. Ресторан, проститутка, аут. Как попал домой, не помню. Сон короткий, на три вдоха».

Устав от ночных кошмаров, Сергей решил найти причину их возникновения. Для начала он стал записывать дату сновидения и события, предшествующие ему. Пока никакой стройной системы не прослеживалось.

«Надо наработать базу, – решил он, пролистывая свои заметки. – Чем больше я накоплю записей, тем быстрее докопаюсь до истины. А пока...

Что там, кстати, в мире делается? Депутаты еще не свергли Ельцина?»

Козодоев включил компактный цветной телевизор, стоявший на холодильнике.

– На прошедших в Грузии выборах главы республики победил Эдуард Шеварднадзе, – сообщила дикторша местного телевидения.

Сергей всмотрелся в лицо Шеварднадзе. Этот стареющий седой грузин показался ему крепко пьющим человеком, страдающим почечной недостаточностью.

«Говорят, будто незадолго до распада Советского Союза Шеварднадзе под предлогом укрепления политики добрососедских отношений продал американцам Берингово море, – припомнил Козодоев. – То ли вместе с островами сбыл, то ли только водную поверхность, но бабла на этой сделке рубанул он немерено. Детям и внукам на всю жизнь хватит, еще на три поколения вперед останется. Да что там внуки! На банковские проценты от этой сделки Шеварднадзе может целый год всех мужиков в Грузии чачей поить и шашлыком угощать. Вот что значит оказаться в нужный момент в нужном месте!

Мне бы так. Я бы тоже не сплеховал, продал бы супостату кусочек родины. – Сергей отхлебнул горячего кофе, с наслаждением закурил. – У нас посреди реки, напротив центра города, есть небольшой островок. Подарили бы его мне, а я бы продал его американцам и на эти деньги организовал собственный бизнес где-нибудь в Германии или в Голландии. Здесь, в России, вкладываться в производство особого смысла нет. А вот за бугром есть где развернуться. Там закон и порядок, а у нас бардак и криминальный беспредел».

Словно откликнувшись на его размышления, дикторша перешла к местным новостям:

– Утром в воскресенье на вещевом рынке произошла массовая драка между вьетнамцами и неизвестными молодыми людьми в кожаных куртках. По сообщению очевидцев, пострадали несколько вьетнамцев. Раскладушки с их товаром были опрокинуты на землю, сами торговцы избиты. Неформальный лидер вьетнамской диаспоры по кличке Ханойский Джо принял в драке активное участие и беспрепятственно скрылся с места происшествия. По сведениям, полученным из правоохранительных органов, с заявлением о возбуждении уголовного дела никто из пострадавших не обращался.

Внимательно просмотрев сюжет о побоище на рынке, Сергей вспомнил, когда в Сибири появились вьетнамцы.

Впервые он заметил их в конце семидесятых годов. Тогда из Вьетнама для работы аппаратчицами на заводе химволокна прибыли девушки. Их поселили в общежитии, расположенном на бульваре Машиностроителей, и тщательно оберегали от контактов с русскими парнями. Как только ни старались местные донжуаны просочиться в общежитие, ничего не получалось. Охранники-переводчики не зря свой хлеб ели. За тринадцать лет пребывания вьетнамок в Сибири мало кто из парней мог похвастаться, что добился от прекрасной азиатки интимной близости.

С началом перестройки завод химволокна стал чахнуть, а после распада СССР работы для вьетнамок не оказалось вовсе. Но девушки никуда не уехали. Мало того, к ним присоединились соотечественники. С началом свободной торговли представители вьетнамской диаспоры занялись челночным бизнесом. Они провозили из Ханоя поддельные спортивные костюмы и кроссовки, сшитые на кустарных фабриках. За каких-то полгода вьетнамцы так наводнили рынок подделками, что к осени 1992 года все бандиты и рэкетиры дружно отказались от некогда престижнейшего «Адидаса» и переделались в причудливые малиновые и темно-зеленые пиджаки.

После новостей началась реклама женских гигиенических прокладок.

– Тьфу, мать твою! – выругался Козодоев. – Как раз к завтраку! Черт побери, я при советской власти об этих женских особенных днях первый раз услышал лет так в пятнадцать, а теперь любой дошкольник про это знает. Что за жизнь пошла?! По телевизору что ни реклама, то перхоть, кариес или критические дни! Других проблем в стране нет?

Сергей щелкнул пультом и переключил телевизор на другой канал.

– Обостряются отношения между исполнительной и законодательной властью. Депутаты Верховного Совета в очередной раз...

Козодоев не стал дослушивать набившие оскомину новости о противостоянии президента и депутатского корпуса под руководством спикера парламента Хасбулатова. Что Руцкой со всеми депутатами, вместе взятыми, что Ельцин с его вороватым окружением, из Сибири выглядели совершенно одинаково, как пауки в консервной банке, готовые при случае сожрать друг друга. Если во время августовского путча 1991 года Козодоев и его отец были за Ельцина, то теперь они не могли отдать предпочтение какой-то из противодействующих группировок. Слишком уж были похожи их представители и внешне, и по злобной угрожающей риторике.

Сергей достал из холодильника бутерброды и попытался позавтракать, но похмельное нутро не принимало пищу. Чтобы не ехать на работу голодным, он разбил три сырых яйца в кружку, круто посолил и залпом выпил. Гадость, конечно, но чем-то же надо нейтрализовать ядовитые продукты распада этилового спирта. Сырые куриные яйца для этой цели – незамеченное средство.

Потом за Сергеем заехала служебная «Волга». Новая рабочая неделя началась.

2

В январе 1988 года Владимир Семенович Козодоев был вызван на производственное совещание в Сургут. Из далекой таежной глубинки на попутном грузовике он добрался до Колпашева, где трое суток дожидался летной погоды. Как только небо прояснилось, пассажирский «Ан-2» взял курс на столицу заснеженной Северной Сибири.

В аэропорту прибытия Козодоева встретили двое мужчин.

– Владимир Семенович? – уточнил один из них. – Вам необходимо проехать с нами.

– Извините, я на совещание должен успеть, – начал было протестовать Козодоев, но мужчины даже слушать его не стали.

– Мы из КГБ СССР. Следуйте за нами. Вопросов не задавать, по сторонам не оглядываться!

Козодоев как загипнотизированный последовал за этими людьми. Они привезли его в горком партии, проводили в кабинет, расположенный на втором этаже.

Там Владимира Семеновича ожидал сухонький старичок лет семидесяти пяти со звездой Героя Социалистического Труда на груди.

– Садитесь, – предложил он. – Давайте знакомиться. Я представитель оборонного отдела ЦК КПСС Васильев Василий Иванович.

Козодоев представился, сел напротив Васильева за приставной столик.

Представитель ЦК показал на две пухлые папки, лежащие перед ним, и проговорил:

– Буду откровенен с вами. Вот здесь на вас собрано подробнейшее досье. Мне известно о вас все, даже то, что вы сами о себе не знаете.

Васильев достал из кармана пачку «Беломорканала», щелчком выбил из нее папироску, размял пожелтевшими от никотина пальцами, закурил.

Пока он был занят своим делом, Владимир Семенович молчал.

Выпустив клуб едкого дыма в потолок, Василий Иванович продолжил:

– Когда-то, много лет назад, я присутствовал на совещании, где принималось решение всемирно-исторического значения.

Услышав это хвастливое заявление, Козодоев и бровью не повел. Он уже понял, как надо себя вести: сидеть и внимательно слушать, что ему будет рассказывать представитель ЦК. А как же иначе, если его чуть ли не под конвоем доставили не куда-то, а в горком партии. Первое, на что ему указал странный старичок, была папка, на титульном листе которой красовалась надпись «Секретно. КГБ при Совете министров СССР. Дело проверки кандидата № 37/12 (Козодоев В. С.). Том 1». Если бы представитель ЦК, назвавшийся Васильевым, заявил, что лично знал Ленина и был на дружеской ноге со Свердловым, то Козодоев с готовностью согласился бы с этим утверждением и даже не стал бы в уме подсчитывать, сколько лет было Васильеву в год смерти вождя мирового пролетариата.

– В тот день мы решали, кто будет первым космонавтом в СССР, приоткроет для человечества дверь в космос, – продолжил Василий Иванович. – По уровню подготовки этим человеком должен был быть Герман Титов. Но его кандидатура не прошла по политическим соображениям. Не может первый космонавт Советского Союза и всей планеты иметь имя «Герман», что значит «германец». Первый человек, отправившийся в космос, должен быть русским и только русским и происходить из народа. Биография его должна быть чиста и прозрачна, без темных пятен и сомнительных родственников. Этим требованиям соответствовали несколько кандидатов. Кого-то из них продвигал руководитель космической программы, кого-то – представители оборонно-промышленного комплекса, а за кем-то стояли генералы из ВВС. В самый разгар спора поднялся мой начальник, имя которого вам знать не надо. Оно до сих пор засекречено.

Мой тогдашний шеф сказал примерно так:

«Что такое первый полет человека в космос? Во-первых, это наглядный показатель достижений советской науки и техники, а во-вторых, демонстрация всему миру отменного физического здоровья одного отдельно взятого человека, первого космонавта. По большому счету, в космос может полететь любой из нас, кто выдержит перегрузки. Космонавт в ракете «Восток» – это обычный пассажир. Он не будет управлять полетом или принимать ответственные решения. Да, жизнь его будет подвергаться смертельному риску, но что такое жизнь одного человека, когда речь идет о престиже нашего государства? Давайте отставим в стороне все, что связано с полетом, и подумаем о том, что будет после него. А после будет триумф советского государства, всего нашего народа и одного отдельно взятого человека. Этот человек в глазах всего мира будет олицетворением всего того, что добился наш народ со времен Великой Октябрьской социалистической революции. Моя мысль вам понятна? Нашего первого космонавта будут приглашать к себе короли и президенты, главы правительств и дружественных нам рабочих партий. Его фотографии разлетятся миллионами экземпляров по всему миру. Каждый человек, вглядываясь в лицо первого советского космонавта, должен видеть в нем весь наш народ, всю страну, а не железяку, которая вывела космический корабль на орбиту. Кто достоин представлять наш народ, кому с первого взгляда поверят все люди на планете Земля? Юрию Алексеевичу Гагарину. У него обворожительная улыбка. Когда Гагарин улыбается, то веришь ему сразу и безоговорочно».

Васильев решительно ввинтил в пепельницу окурков, пытливо, с прищуром посмотрел в глаза гостю.

– Вот так-то, Владимир Семенович! – подытожил свой исторический экскурс представитель ЦК. – Первый космонавт был выбран по улыбке, а не по своим морально-деловым качествам. Стоит сказать, что Юрий Алексеевич полностью оправдал наши надежды. Весь мир полюбил его, а вместе с ним – и Советский Союз, где живут такие славные парни. Вот что значит сделать правильный выбор! Одна улыбка – и наше государство приобрело миллионы сторонников и друзей по всему миру. Улыбка это качество. У вас тоже есть качество, которое выделяет вас из всех кандидатов для выполнения сложного и ответственного поручения партии. Это порядочность. Не честность и не верность долгу, а именно она.

– Василий Иванович, могу я задать вопрос? – робко спросил Козодоев.

– Пока нет! – отрезал представитель ЦК. – Вначале поговорим о деле. Что вас смутило? Слово «поручение»? Поверьте, мы не собираемся забрасывать вас за границу с секретным заданием и не предложим полететь в новейшей ракете в межзвездное пространство. Вы крепкий руководитель нижнего звена советской газовой промышленности, и именно в этом качестве нам интересны. – Старичок помолчал, прикинул, что еще могло сбить с толку Козодоева, догадался, усмехнулся: – Вы не можете понять, почему я, представитель военного отдела ЦК партии, занимаюсь сугубо производственными вопросами? Запомните, главная линия обороны нашего государства проходит через промышленность, экономику, буровые вышки, находящиеся где-то в тайге. Сто заводских труб всегда были и будут могущественнее, чем тысяча танков и сто тысяч солдат. Из дыма заводских труб можно выковать атомный меч, который одним ударом превратит танковые колонны в ручейки расплавленного металла, а целые полки и дивизии просто испепелит, разматывает по всему свету отдельными молекулами.

Козодоев представил на секунду апокалипсическую картину термоядерной войны и согласно кивнул. Мол, да, экономика сильнее штыка.

– Сейчас наша страна переживает не лучшие времена, – продолжил Васильев. – Партия решила открыть новый фронт для укрепления нашей обороноспособности. Вам предстоит быть одним из солдат на этом фронте. Берите ручку и пишите заявление об увольнении с прежнего места работы по собственному желанию.

Через два дня Козодоев сдал дела новому начальнику участка и уехал домой. На вопросы удивленных домочадцев он отвечать не стал, так как сам толком не знал, чем дело кончится.

В конце зимы его вызвали в Москву. В гостинице «Россия» Васильев познакомил Козодоева с неким Гансом Мюллером, гражданином Западной Германии. Под присмотром представителя ЦК Козодоев и Мюллер учредили акционерное общество, советско-германское предприятие «Орион». Вся роль Козодоева при этом свелась к подписанию заранее подготовленных документов.

После формальной части встречи партнеры по бизнесу немного пообщались через переводчика. Козодоев спросил коллегу, как у него дела. Немец в ответ рассказал ему о погоде в Мюнхене.

По приезде в родной город Владимир Семенович был вызван в обком партии, где познакомился с Борисовым и Петровым. В том, что это их настоящие фамилии, Козодоев не сомневался. Эти мужчины показали ему свои паспорта. В АО «Орион» Петров стал заместителем директора по производству, а Борисов взял на себя всю финансовую часть.

Головной офис Козодоеву предложили открыть в здании областного совета профсоюзов, расположенном на центральной площади областного центра, рядом с обкомом партии и Управлением КГБ. Окна нового кабинета Козодоева выходили на памятник Ленину. Великий вождь указывал протянутой рукой не то на мост через реку, не то на дорогу, ведущую к парку культуры и отдыха.

С первых же дней работы руководители компании «Орион» развили бурную деятельность. В Германии Мюллер взял солидный кредит, открыл счет в мюнхенском банке и объявил тендер на покупку оборудования для газотранспортной системы Советского Союза. Одновременно Козодоев, сопровождаемый референтом Васильева, побывал в Министерстве газовой промышленности СССР, где заключил ряд выгодных договоров на обслуживание газопроводов на юге Западной Сибири.

В столице Владимира Семеновича, соучредителя солидной советско-германской фирмы, принимали с распростертыми объятиями. Заместитель министра угощал его кофе, а начальник отдела газификации Сибири отдал в полное распоряжение Козодоева свой служебный автомобиль.

В конце московской командировки Владимир Семенович встретился с Васильевым.

– Сейчас дело пойдет! – сказал Герой Социалистического Труда и азартно потер руки. – Все оборудование, закупленное Мюллером, будет беспошлинно ввезено в СССР и реализовано на нужды советской газовой промышленности. Мы решили, Владимир Семенович, что вам лично не стоит с головой погружаться в бухгалтерские и производственно-технические вопросы. Борисов и Петров – известные специалисты в своем деле, но есть один немаловажный момент, в котором я полагаюсь только на вас.

– Я готов выполнить любое ваше распоряжение, – заявил Козодоев.

– Со всех средств, поступивших на счета «Ориона», двадцать пять процентов вы должны будете перечислять вот сюда. – Васильев выложил перед Владимиром Семеновичем документ с банковскими реквизитами. – Без вашей подписи в «Орионе» ни один рубль не сдвинется с места, так что контролируйте, чтобы оговоренная сумма без задержки поступала в наш банк. Кому принадлежит этот счет, рассказать?

– Не надо.

– Я вижу, что не ошибся в вас, Владимир Семенович, – похвалил сибиряка старичок. – Вот еще что. Мы начали наше знакомство с Гагарина, так что еще раз поговорим о нем. После возвращения из космоса Юрий Алексеевич получил все материальные блага, о которых только может мечтать советский человек. Даже всю его дальнюю родню за счет государства обули, одели, поселили в благоустроенных квартирах. Намек понят? Ваша порядочность без должного вознаграждения не останется.

Получив первую зарплату, Козодоев пришел в недоумение.

– Это все? – спросил он Борисова.

– Нет, конечно, – ответил финансист. – Вторую часть в западногерманских марках Мюллер перечисляет на ваш счет, открытый в мюнхенском банке. Менять марки на рубли по курсу Центробанка СССР смысла нет. Выехать за границу, чтобы лично распорядиться деньгами, вы не можете, так что лучше всего будет дать Мюллеру поручение закупить для вас лично некоторые товары в ФРГ. Я могу организовать это дело, но...

Козодоев намек понял.

– Сколько?

– Десять процентов от суммы реализации.

По поручению Борисова немцы закупили для Козодоева партию видеомагнитофонов, которые он с большой прибылью реализовал через комиссионный магазин. В следующем месяце на имя Владимира Семеновича пришел контейнер с джинсами и модными турецкими свитерами. Для сбыта товаров, поступающих из Германии, Козодоев открыл собственный магазин. В конце 1988 года некогда скромный, никому не известный начальник участка, не торгуясь, купил растаможенный автомобиль «БМВ» последней модели. Об остальном и говорить не приходится!

Римма Витальевна, увидев в окне первый снег, потребовала от мужа норковую шубу.

– Вова! – сказала она. – Я больше в каракулевой шубе ходить не буду! Вова, я навела справки. В нашем городе в норковых шубах ходят всего четыре женщины. Любимый, я должна быть пятой.

– Где ты норковую шубу возьмешь? На базаре?

– Закажу, из Новосибирска привезут. Вова, я не для того тебя годами с Севера ждала, чтобы под старость лет в обносках ходить.

– С каких это пор ты о возрасте заговорила? – Козодоев усмехнулся. – Будет тебе шуба. Заказывай, я оплачу. Так, у кого еще пожелания будут?

Запросы у детей были скромнее. Сын Сергей получил ключи от подержанной отцовской «Волги», а дочь Оксана ограничилась новыми сапогами. Потом она вошла во вкус и вытрясла из доброго папочки столько заграничных нарядов, что без проблем могла бы сменить гардероб всем своим подружкам, как институтским, так и прочим. А их у нее после учреждения «Ориона» стало вдруг очень и очень много.

3

Почувствовав вкус больших денег, Владимир Семенович стал внимательно отслеживать процессы, происходящие в стране и мире. Если раньше его мало интересовал расклад сил на политической арене, то теперь он с интересом читал газеты и не пропускал ни одной вечерней телепрограммы «Время».

«Васильев считает, что я марионетка, которая шагу самостоятельно не сделает без его ценных указаний, – размышлял Козодоев. – Но времена меняются! Скоро марионетки выйдут из повиновения и отправят кукловодов на свалку истории. Московский Герой Социалистического Труда сделал из меня зиц-председателя подставной конторы по перекачке государственных денег на секретные партийные счета. Что же, неплохо, но только до поры до времени. В небе пахнет грозой. Устои государства, семьдесят лет казавшиеся незыблемыми, начали трещать по швам. Наш корабль идет ко дну. В тот миг, когда он начнет заваливаться на бок, мне надо будет оказаться в нужном месте, с заранее подготовленными документами в руках».

В августе 1990 года Министерство газовой промышленности СССР было преобразовано в концерн «Газпром» со стопроцентным государственным участием. Для большинства граждан

Советского Союза это событие прошло незаметным, но знающие люди поняли, что передел собственности начался!

В сентябре Владимир Семенович прилетел в Москву, где переоформил на новых условиях договоры между АО «Орион» и новым собственником газотранспортной системы страны. Изменения коснулись территории, обслуживаемой фирмой Козодоева. Теперь ему было позволено поставлять оборудование для газотранспортной системы только в Западной Сибири. Из бумаг также выпал пункт о магистральных газопроводах. Для себя Владимир Семенович отметил, что в «Газпроме» его принимали не столь радушно, как в прежнем союзном министерстве.

В том же сентябре Козодоев принял на работу начальником юридического отдела бывшего преподавателя политехнического института Юркевича. По указанию Владимира Семеновича он провел преобразование безымянного кооператива по продаже ширпотреба из Западной Германии в акционерное общество «Сибгазтранссервис» – СГТС. Формально, кроме названия, новое АО не имело никакого отношения к обслуживанию газопроводов. Директором СГТС был назначен сын Владимира Семеновича Сергей. Доли в уставном капитале новой фирмы Козодоев-старший разделил на три равные части, сделал единственными акционерами себя, сына и жену.

Дочь Оксану в это число отец не включил по забывчивости. При подготовке документов Владимир Семенович упустил из виду, что она стала совершеннолетней и имеет право участвовать в семейном бизнесе. Хотя саму Оксану финансово-промышленные дела «Ориона» и СГТС нисколько не интересовали. Дают родители деньги на обновки и так называемые карманные расходы, вот и слава богу! А с каких долей они платят – не важно.

В начале 1991 года в стране начался хаос. Старые, устоявшиеся производственные связи уже никого не устраивали, а новые никак не могли завязаться из-за недоверия между партнерами.

В этой мутной водичке Владимир Семенович предпринял неожиданный шаг. Не поставив в известность соглядатаев от оборонного отдела ЦК партии Борисова и Петрова, Козодоев от имени СГТС заключил пакет договоров на текущее и перспективное обслуживание газопроводов на территории области, где проживал с семьей. В СГТС не работал ни один специалист по ремонту газопроводов. Там не было соответствующей материально-технической базы. Поэтому все работы по договору субподряда взял на себя «Орион».

В августе 1991 года грянул путч. Народ в стране прилип к телевизорам. Кто победит, Горбачев или ГКЧП? Интерес этот, надо сказать, был чисто академическим. Путчистам никто не доверял, а Горбачева народ просто ненавидел. Он предал надежды и чаяния миллионов советских граждан. Вместо обещанного генеральным секретарем ЦК КПСС материального и жилищного благополучия советский народ получил пустые полки в магазинах и кровавые межнациональные конфликты по всему периметру СССР.

20 августа, проанализировав расстановку сил в Москве, Владимир Козодоев понял, что час настал! Путчисты не осмелились на решительные действия. Они побоялись штурмовать Белый дом и арестовать Ельцина, значит, проиграли. В тот же день Козодоев вызвал Юркевича и скомандовал: «Пора!»

К концу августа в АО «Орион» и СГТС произошли изменения. Все свои активы «Орион» передал в «Сибгазтранссервис». Рабочие и служащие «Ориона» перешли на работу в новую организацию. С переменой активов изменились и производственные отношения. Теперь обслуживанием и ремонтом газопроводов стал заниматься СГТС, а за «Орионом» осталась только поставка оборудования из Германии.

Петров и Борисов случайно узнали о метаморфозах, произошедших за их спинами, и пришли за разъяснениями к Владимиру Семеновичу. Но Козодоев даже разговаривать с ними не стал.

– Вы оба уволены! – объявил он.

– А как же наши немецкие партнеры? – попытался уяснить суть перемен Борисов. – Они же фактически лишились активов фирмы на территории СССР!

– Если немцы чем-то недовольны, пускай подадут иск в международный арбитраж.

– Так сейчас же... – пробормотал бывший финансист.

– Наш президент, – Владимир Семенович выделил слово «наш», то есть его, Козодоева, президент, – Борис Николаевич Ельцин объявил о приоритете российских законов над правовыми нормами СССР. Если наши немецкие партнеры считают, что я их чем-то обделил, то в своих претензиях они должны сослаться на российские законы, регулирующие сферу размежевания частной собственности. Таких законов пока нет. Они еще не придуманы. Формально-то мы живем при социализме. Господа, вам понятна суть этой правовой коллизии?

Петров и Борисов понуро кивнули в ответ. Они проиграли, и жаловаться было некому. Ельцин запретил деятельность КПСС на территории России.

– Я рад, господа, что вы поняли меня с полуслова, – заявил Козодоев. – А сейчас пошли оба вон, и чтобы я вас больше не видел! – Владимир Семенович нажал потайную кнопку, и в кабинет вошли несколько одетых в камуфляж охранников из новообразованного отдела безопасности СГТС.

Петров и Борисов без лишних напоминаний покинули помещение.

Уладив дела внутри фирмы, Владимир Семенович назначил директором СГТС себя, а сына перевел на должность заместителя директора по общим вопросам.

В марте 1992 года к Козодоеву из Москвы приехал некто Лемешев, отрекомендовавшийся представителем западногерманских акционеров «Ориона». С первого взгляда Владимир Семенович понял, что Лемешев – бывший высокопоставленный офицер КГБ, спорить с которым не стоит.

– Вам надо подписать пакет документов о передаче вашей доли акций в «Орионе» господину Мюллеру, – объявил московский гость.

– Товарищ Васильев возмущаться не будет? – издевательским тоном спросил Козодоев.

– Товарищ Васильев в августе прошлого года покончил жизнь самоубийством, застрелился из наградного пистолета. После путча в Москве много кто свел счеты с жизнью. Вот и Василий Иванович решил, что лучше самому завязать со всем разом, чем под старость лет отправиться на нары баланду хлебать. Застрелился он, скажем прямо, оригинально. Всю жизнь Васильев был правой, а тут пистолет взял в левую руку. Ну да это ерунда! Подумаешь, руки перепутал. Вот его коллега Пермяков учудил так учудил. Он вначале выпрыгнул в окно с последнего этажа, а потом вслед за собой табуретку выбросил. Вы подписали документы?

– Да, пожалуйста! – Владимир Семенович протянул договор о передаче своей доли акций немецкому партнеру.

– Я надеюсь, про некий счет вам напоминать не надо?

– Что, снова платить?! – От возмущения, захлестнувшего его, Козодоев даже приподнялся с места и сжал кулаки.

– Нет-нет, что вы! – тут же проговорил Лемешев. – Перечислять средства на этот счет больше не надо, но и говорить о нем я вам не советую. Забудете то, что было, и будете спать спокойно. – На прощание московский гость сказал: – Скоро начнется приватизация. Не удивлюсь, если вы, Владимир Семенович, останетесь без последних штанов. Вы ловко превратили «Орион» в фирму-пустышку, но летом в игру вступят такие монстры, которые проглотят вашу СГТС и не заметят.

– Ничего, выживу, – заверил его Козодоев.

4

Ровно в девять утра Сергей Козодоев вошел в здание Союза предпринимателей Западной Сибири, находящееся на площади Советов. Охранники на проходной знали Сергея в лицо, пропуск у него не потребовали, но в специальном журнале сделали отметку о прибытии на работу одного из арендаторов. По широкой лестнице Козодоев поднялся на четвертый этаж, прошел в левое крыло. В этой части здания располагались офисы СГТС. Кабинет Сергея был по счету первым, его отца – последним.

В приемной Сергей поприветствовал своих сотрудниц.

– У нас все в порядке? – спросил он и, не дождавшись ответа, прошел в свой кабинет.

При советской власти помещение, доставшееся Сергею, принадлежало заместителю председателя областного профсоюза работников машиностроительной промышленности. В 1990 году облисполком предложил профсоюзным объединениям всех рангов самостоятельно оплачивать аренду помещений и коммунальные услуги, которые до этого финансировались из областного бюджета. Профсоюзные вожаки прикинули, что первичные организации наверняка откажутся увеличивать взносы на содержание областного аппарата, и разбежались кто куда.

Бывший владелец кабинета Сергея вначале переехал в административное здание завода «Сибстроймаш». В январе 1992 года, когда профсоюзное движение начало приходить в упадок, он объявил о ликвидации областной организации машиностроителей и занялся частным бизнесом.

Приехав на работу, Козодоев-младший первым делом проверил холодильник, стоявший в комнате отдыха. Он с удовлетворением обнаружил в нем целую упаковку баночного пива и початую бутылку молдавского коньяка.

«Может, сейчас здоровье поправить? – подумал Сергей. – От одной баночки хуже не станет. Давление немного повысится, покраснею, зато потом быстрее в норму приду».

Его размышления прервал телефонный звонок. Сына вызывал к себе отец.

– Черт возьми, ни минуты покоя! – возмутился Сергей. – Я еще раздеться не успел, а уже дела навалились!

В приемной директора СГТС Козодоев-младший кивнул секретарше и вошел в кабинет.

– Вызывал? – спросил Сергей, усаживаясь напротив отца.

– Ты пил, что ли, вчера? – спросил Владимир Семенович и принялся. – Конечно, пил! Роба опухшая, под глазами мешки. Ты когда по выходным бухать перестанешь? Что ни понедельник, то ты с похмелья или полупьяный. Посадишь печень, будешь по аптекам бегать.

Сергей не ответил на нравоучения. Отец заставил его прийти сюда явно не для того, чтобы прочитать лекцию о вреде крепких алкогольных напитков.

– С какой целью ты вызвал к себе Азатян? – внезапно перейдя на жесткий директорский тон, спросил Владимир Семенович.

– Кто такая? – развязно осведомился Сергей.

– Бухгалтер из отдела снабжения. Ты вызвал ее сегодня на одиннадцать часов. Не подкажешь зачем?

– Азатян, Азатян... – Сергей сделал вид, что вспоминает, о ком идет речь. – А, черненькая такая, на нерусскую похожа? Я хотел переговорить с ней о закупке мыла для хозяйственных нужд.

– Какого мыла? – побагровев, зарычал отец. – Ты, похоже, даже не знаешь, что наши технички специальными моющими средствами пользуются, а не мылом! Скажи честно, тебе что, своих шлюх не хватает? Зачем ты к порядочным девушкам пристаешь?

– Это она на меня пожаловалась? – хмуро осведомился Сергей. – Я ничего такого ей не говорил. Пригласил к себе по производственному вопросу.

– Прекрати паясничать! – Владимир Семенович хлопнул по столу ладонью. – С каких это пор ты стал вникать в хозяйственные дела? Сидишь у себя в офисе как таракан за плинтусом, вот и сиди, лишний раз нос не высовывай и к женщинам с мерзкими намеками не приставай! Запомни, ты числишься заместителем директора ровно до тех пор, пока я не сочту, что... Ох! – Владимир Семенович схватился за сердце, скривился от боли, побледнел.

– Папа, папочка, потерпи секунду, я сейчас! – Сергей вскочил с места, бросился к аптечке, достал лекарство, налил в стакан воды. – Выпей, полегчает. Папа, ты неправильно понял эту Азатян. На кой черт она мне сдалась? У нее усы растут, прямо как у мужчины. Я действительно всего лишь хотел узнать, сколько денег уходит на моющие средства и нельзя ли оптимизировать расходы.

Приняв лекарство, Владимир Семенович несколько минут приходил в себя, потом отдышался и вспомнил, зачем он, собственно говоря, пригласил сына к себе.

– В конце недели приезжают американцы. С ними будет женщина, корреспондент. Говорят, что она очень даже ничего, симпатичная. Предупреждаю, если ты хоть чем-то прогневишь эту американку и испортишь мне отношения с Лотенко, то я вышвырну тебя на улицу. Ты понял? Держись от американской делегации подальше, а если столкнешься с корреспонденткой нос к носу, то води себя максимально корректно и учтиво.

– Мне что, ручку ей целовать при встрече? – осведомился Сергей и насупился.

– Даже не вздумай к ней прикасаться! – Директор СГТС вновь начал злиться. – Увидишь американскую делегацию, сделай озабоченный вид и скройся с глаз. Пока они будут в нашем городе, постарайся спиртным не злоупотреблять и с опухшей рожей на работу не приходить. Тебе все ясно? С женщинами руки не распускать, про водку и текилу забыть, мой персонал к себе на эти совещания не вызывать. Малейшееслушание, и я обрежу тебе зарплату так, что на карманные расходы не хватит!

Сергей заверил отца в том, что будет вести себя тихо и неприметно.

Возвращаясь в свой офис, он повстречал в коридоре Анатолия Лотенко, о котором говорил отец. У Лотенко был какой-то врожденный дефект лицевых мышц, отчего создавалось впечатление, что он постоянно криво ухмыляется. Когда Анатолий учился на юридическом факультете университета, этот его физический недостаток, дефект, был объектом постоянных насмешек со стороны студентов. Но прошли годы, и особенности мимики Лотенко стали чем-то вроде его визитной карточки. Скептическое, брезгливое выражение лица этого состоятельного молодого человека свидетельствовало о том, что он вечно недоволен всем на свете.

«Вот кому повезло в жизни! – завистливо подумал Сергей. – Ему ведь всего тридцать лет, а он уже босс боссов, председатель Союза предпринимателей Западной Сибири. Без своего папочки был бы Толя никому не известным адвокатом или юрисконсультom на заводе. А так он долларовый миллионер, директор коммерческого банка и двух торгово-закупочных фирм, единоличный владелец всего нашего здания. За неделю до путча его папаша, второй секретарь обкома партии, слинял в неизвестном направлении, а уже в конце сентября Лотенко-младший купил лучшее здание в городе. Спрашивается, на какие шиши? Папаша перед бегством деньгами партии его снабдил? А что, вполне возможно. После ликвидации обкома выяснилось, что на счетах у них нет ни копейки. Эх, был бы мой отец партокрatom! Отсыпал бы мне денег мешок, а сам смылся. Вот было бы дело! Ходил бы я сейчас по городу с презрительной ухмылочкой и не выслушивал бы нравоучения насчет того, как мне вести себя с бухгалтершами да американскими корреспондентками».

Вернувшись к себе, Сергей подписал несколько документов, приготовленных производственным отделом. На какие товары были эти счета-фактуры и накладные, он даже не вникал. Его мысли были заняты другими вопросами.

«Сейчас выпить или немного попозже? А что ждать-то? С папаней randevu состоялось, а остальных мне бояться нечего. Решено, сейчас!»

Козодоев нажал кнопку селектора внутренней связи и заявил:

– Я буду занят в ближайшие полчаса.

– Все понятно, Сергей Владимирович, – с готовностью ответила Марина, его личная секретарша.

Сергей достал из шкафа коньяк, плеснул в стакан, глубоко выдохнул и залпом опрокинул в себя целебную жидкость. После этого он с шумом выдохнул, дрожащими пальцами вытряхнул из пачки сигарету и закурил.

«Пару минут надо потерпеть и станет легче», – заверил себя Козодоев.

Лекарство от похмелья действовало постепенно. Вначале у Сергея на лбу выступил обильный пот, сердце неприятно затрепыхалось, в животе вспыхнул, но быстро погас пожар. Потом дыхание нормализовалось, руки перестали трястись, и появилось временное чувство бодрости.

«Через пару часов меня сморит сон, а пока надо действовать! – решил Козодоев. – С какой из них сегодня поразвлечься? Жребий, что ли, кинуть?»

Сергей заглянул холодильник в поисках закуски и наткнулся на баночное пиво.

«К черту эту заразу! – с неприязнью подумал он. – Если похмеляться, то коньяком или водкой. От пива один туман в голове будет».

Козодоев вернулся в рабочий кабинет, вызвал из приемной Марину.

– В холодильнике пиво, – сказал он. – Ты выброси его или себе заberi. Я такую гадость не пью. Кстати, откуда оно взялось?

– Вы в воскресенье вечером позвонили мне и велели купить.

– Я?! – поразился Сергей. – Ах да, припоминаю. Но мои планы изменились. Я решил начать трезвый образ жизни, так что пиво забирай. – Он откинулся в кресле, осмотрел секретаршу с головы до ног, оценил, как она выглядит сегодня.

Двадцатилетняя брюнетка Марина была безупречна, чертовски хороша собой.

Опытная секретарша по взгляду начальника поняла, что у него после коньячного возлияния пробудилось желание уединиться с кем-нибудь из девушек в комнате отдыха.

– Какие-нибудь еще распоряжения будут? – многозначительно спросила она.

– Через пять минут. Забирай пиво и жди. Я подпишу пару бумаг и позвоню.

В приемной у заместителя директора СГТС Сергея Козодоева работали три девушки: референт, его личная секретарша и ее помощница. В обязанности последней входило готовить начальнику чай и бегать по офисам в качестве посыльной. Других поручений Сергей, как ни старался, так и не смог для нее выдумать. Утверждая штатное расписание фирмы, отец увидел лишнего человека, поморщился, но документы подписал.

Девушек в приемную Сергей отбирал лично, по итогам, культурно говоря, собеседования. Для себя он заранее решил, что одна из его новых подчиненных будет рыжей, другая – брюнеткой, а третья – блондинкой. Все девушки должны быть не старше двадцати пяти лет, с хорошей фигурой и красивой грудью. Образование и опыт значения не имели, так как работа в приемной им предстояла не особо интеллектуальная – отвечать на звонки, уточнять в аппарате директора список обязательных мероприятий на неделю, заваривать и подносить чай, ну и, конечно, уединяться с начальником по его первому требованию.

Из полусотни кандидаток Сергей вначале отобрал шестерых, соответствующих внешним требованиям. Второй этап конкурса он проводил уже у себя дома. По результатам этого меро-

приятия Козодоев-младший выбрал трех девушек, которые полностью соответствовали его представлениям об обслуживающем персонале. Марина, самая смышленная, стала его личным секретарем, блондинка Катя, успевшая окончить институт, – референтом, а худощавая рыжая Аня – помощником секретаря, девочкой на побегушках.

Чтобы окончательно взбодриться, Сергей выпил еще полстакана коньяка, закусил кусочком подсохшего сыра.

«К черту эту выпивку! – рассматривая пустую бутылку «Белого аиста», решил он. – Пора мне за ум взяться. Сегодня опохмелюсь, приду в норму, а с завтрашнего утра ни капли в рот не возьму. До пятницы точно пить не буду. Если кто-то из приятелей потащит в кабак, скажу, что печень стала побаливать.

Нет-нет! Моим друзьям жаловаться на здоровье нельзя. Эти сволочи все переврут, искажут и пустят слух, что я спился и последние дни доживаю. Что бы придумать такого, чтобы от всех знакомых разом отвязаться?»

В кабинете настойчиво зазвонил телефон. Сергей неохотно вернулся на рабочее место, взял трубку.

– Ваша супруга звонит, – сообщила Марина.

– Скажи ей, что я ушел на совещание и буду только вечером. Марина! Ты еще не отключилась? Скажи Ане, пусть займет твое место, а сама... принеси чай.

«Что жена от меня хотела? – стал прикидывать Сергей. – Оговоренную сумму я выдал ей в начале месяца, на обновки для дочери денег подкинул. Что еще эта стерва могла выдумать?»

Постучавшись, вошла Марина, поставила поднос с чашками на стол, вернулась к двери и закрыла ее на ключ.

«Интересно, – рассматривая секретаршу, подумал Козодоев. – Эта девка уже представляет, как охмурила меня и стала моей женой? Представляю, что она чувствует, когда с супругой моей по телефону общается».

– У нас есть что-нибудь выпить? – спросил Сергей.

– В комнате отдыха коньяк оставался.

– Кончился он, – с сожалением констатировал заместитель директора.

– Пойдемте, Сергей Владимирович, – с улыбкой сказала девушка. – Сейчас все найдем.

5

В среду в девять утра Андрей Лаптев открыл свою каморку в полуподвальном помещении Заводского РОВД, сел за крохотный стол, вытянул вперед травмированную ногу.

«Еще один день в ожидании неизвестно чего, – мрачно подумал он. – Сколько я еще смогу продержаться? Месяц, полгода? Рано или поздно они дожмут меня и заставят уволиться. Так стоит ли ждать худшего, когда все в моих руках? Не проще ли самому написать рапорт об увольнении и уйти с гордо поднятой головой?»

За дверью в коридоре слышались женский и мужской голоса.

– Где для техничек тряпки брать, ума не приложу, – проговорила Галина, завхоз райотдела. – Раньше, при советской власти, хоть какое-то снабжение было, а сейчас одна разруха. Они там, наверху, что думают? Что технички из дома тряпки приносить будут?

– Галя, давай на ветошь транспарант пустим, – заявил на это старшина милиции, постоянно помогающий ей управляться с делами. – Демонстраций все равно больше не будет, так зачем добру пропадать?

– Вдруг спохватятся? Мало ли что. Сегодня нет демонстраций, завтра будут.

– Ну, ты, мать, сказала! – Старшина усмехнулся. – Демонстрации-то, может, и будут, но кто же со старыми плакатами на площадь пойдет? Все, дедушка Ленин больше не в авторитете.

Его портрет, который мы прежде на колесиках возили, теперь можно смело на тряпки пускать. Галя, ты не дрейфь раньше времени! Если замполит бучу поднимет, то составим акт, что всю праздничную агитацию крысы повредили. С них какой спрос? Никакого. Пошли, старушка, глянем, что можно на благое дело пустить.

Андрей приоткрыл форточку под потолком, закурил.

«Нет и еще раз нет! – уже, наверное, в тысячный раз решил он. – Сам я рапорт на увольнение подавать не буду и продержусь в милиции столько, сколько смогу. В любом варианте зарплата мне хоть и в урезанном виде, но капает, а после увольнения я превращусь в хромого безработного, которого даже сторожем в детский сад не примут. Нет уж! Сидеть у Лизы на шее я не буду. В конце концов, увечья я получил на государственной службе, вот пусть и...»

Невеселые размышления Лаптева прервал звук незнакомых шагов. За три месяца сидения в полуподвале Андрей научился различать по ним практически всех, кто заглядывал в хозяйственный отсек райотдела.

«Кто это? – с недоумением подумал он. – К старшине, что ли, пришел?»

Долго гадать не пришлось. По-хозяйски распахнув дверь, к Лаптеву вошел лейтенант с эмблемами следственных органов в петлицах.

– Чего, помираешь? – вместо приветствия спросил незванный гость.

«Вот так начало! – удивился Лаптев. – Если дело и дальше так пойдет, то придется мне трость об этого нахала обломать».

Незнакомому лейтенанту на вид было лет двадцать семь. Он был среднего роста, худощавый, голубоглазый, русоволосый, гладко выбритый. На его форменном кителе гордо алел ромбик.

«Он, как и я, окончил высшее учебное заведение МВД», – подумал Андрей, но дальше развить логическую цепочку не успел.

Бравый лейтенант бесцеремонно сел напротив Лаптева на единственный свободный стул и начал рассказ, поначалу малопонятный и странный:

– У меня есть сестра. Она преподает русский язык и литературу в школе. Как-то на уроке у нее произошел забавный случай. Вызывает она к доске ученика рассказать наизусть отрывок из «Песни о соколе». Выходит этот парень, смущается и начинает нести отсебятину: «Чего, помираешь?» Сеструха говорит, что весь класс вповалку лежал от смеха. Я призадумался и сказал: «Послушай, Валя, а паренек-то не виноват! Алексей Максимович Горький выдумал какую-то абракадабру, а вы заставляете детей учить ее наизусть. Посуди сама. Уж – это небольшая змея, которая питается в основном лягушками и кузнечиками. Зачем уж полез высоко в горы, где нет болот с лягушками, да и полей с кузнечиками? Высоко в горах одни камни. Что там ужу делать? Голодать?»

– Не знаю, – неожиданно для себя ответил Лаптев.

– Никто не знает! Едем дальше. Предположим, уж свихнулся и в состоянии помутившегося рассудка полез в горы. Тут к нему прилетает некий израненный сокол, который дрался неизвестно с кем и непонятно из-за чего. Дальше начинаются чудеса. Этот сокол-дебошир вместо того, чтобы сожрать ужа и подкрепиться перед смертью, начинает вести со змеей философские беседы. Для чего? Ладно бы сокол был пьяный и ему было без разницы, кому мораль читать, но он ведь трезвый! Довольно странная сказка, не правда ли?

– Я никогда не рассматривал творчество Горького с зоологической точки зрения, – проговорил Андрей.

– А зря! – заявил лейтенант. – Иногда, чтобы понять суть вещей и событий, надо присмотреться к ним с другой стороны, взглянуть на проблему с неожиданного ракурса. При расследовании уголовных дел...

– Ты где учился? – перебил его Лаптев.

- В Хабаровске.
- Там все такие?
- Вовсе нет, всяких хватает. – Лейтенант оценивающе посмотрел на собеседника, скептически прищелкнул. – М-да! Отсутствие ультрафиолета...
- Зачем пришел? – грубо перебил его Лаптев.
- Тебя не интересует свежий взгляд на творчество Максима Горького?
- Хочешь, я сейчас о твою голову трость обломаю? – с нескрываемой угрозой спросил Андрей.
- Замечу, ты не первый, кто хочет проверить прочность моего черепа.
- Так! – Лаптев приподнялся с места.
- Не советую этого делать! – насмешливо сказал странный гость. – По комплекции мы примерно равны, но у меня с нижними конечностями все в порядке, а ты без палочки ходить не можешь. Андрей, если мы сейчас подеремся, то победа будет на моей стороне.
- «Этот щенок осведомлен о моих проблемах со здоровьем», – подумал Лаптев.
- Колись, змееныш, что тебе от меня надо? – зарычал Андрей.
- Мне – ничего. Тебя хочет видеть мой босс, великий и ужасный Роман Георгиевич.
- Андрей напрягся так, что судорога свела больную ногу.
- Я не ошибся? Со мной хочет поговорить Самойлов? – спросил он.
- Именно так! – подтвердил лейтенант.
- Лаптев посмотрел поверх гостя, пытаясь понять, зачем его может вызывать начальник следственного отдела городского управления.
- Самойлов хочет поговорить со мной о каких-то старых делах, в раскрытии которых я участвовал в качестве опера, или как заместитель начальника городского уголовного розыска?
- Роман Георгиевич в должности с июля прошлого года, а ты как раз в это время выбыл из игры. Как источник информации по уголовным делам ты для Самойлова неинтересен.
- Скажи, а почему бы твоему боссу не вызвать меня по телефону, через дежурную часть? К чему такие сложности?
- Вопрос не ко мне, – заявил лейтенант и развел руками. – Мое дело маленькое. Приехал, объявил, откланялся.
- И все же? – настойчиво пробубнил Лаптев. – Зачем я нужен Самойлову?
- По великому секрету могу шепнуть как своему лучшему другу. Он хочет позвать тебя к себе в отдел.
- Кем? Следователем? – не поверил своим ушам Андрей.
- А кем еще, начальником, что ли? – сыронизировал молодой нахал. – До начальника следственного подразделения ты еще не дорос.
- Во сколько он меня будет ждать?
- В половине шестого у гаражей будет стоять потрепанная «копейка» зеленого цвета. Машина конченная, убитая, но пока еще ездит. За рулем буду я.
- Сам доеду! – жестко отрезал Андрей.
- Ой-ой-ой! Какие мы гордые! – выдал лейтенант. – У тебя внезапно выздоровела нога? Оставь свою прыть до лучших времен.
- Жаль все-таки, что я об тебя в самом начале трость не обломал.
- Успеешь! – заявил лейтенант. – Кстати, пора нам познакомиться. – Он встал, протянул руку через стол. – Виктор Воронов. За глаза все зовут меня Ворон. Я на кличку не обижаюсь. Ворон – птица мудрая.
- Скажи, Виктор, у вас наметилась острая нехватка кадров?
- Отнюдь! Желających пока хватает. Но, как говорится, не всякому овощу место на столе! Я думаю, Самойлов осмотрелся на новом месте и решил сформировать свою команду из людей надежных и проверенных, на кого можно положиться в трудную минуту. Со мной в одном

кабинете работала женщина. Следовательно так себе, ни рыба ни мясо, хотя по званию аж целый майор. Роман Георгиевич эту особу в областное управление на прошлой неделе спихнул, на повышение. Судя по всему, ее должность он для тебя приготовил.

На душе у Андрея полегчало. Нахальный лейтенант принес ему обнадеживающую весть. Работа следователем, конечно же, не сахар, но Андрею уже настолько опостылело одному в затхлом подвале сидеть, что он был готов на все, на любую службу, связанную с раскрытием преступлений.

– Ворон, ты на всякий случай запомни. – Андрей сделал паузу, подождал, пока лейтенант посмотрит ему в глаза, и продолжил, четко проговаривая каждое слово: – Ворон, если ты еще раз вспомнишь о моей больной ноге или просто поинтересуешься, как у меня здоровье, я придушу тебя собственными руками, отсижу и выйду на свободу с чистой совестью. Даже не так! Я на суде расскажу твою версию «Песни о соколе», и меня оправдают.

– Сработаемся! – заявил Воронов и усмехнулся.

После его ухода Андрей поднялся в следственный отдел, поболтал с мужиками о том о сем и аккуратно расспросил о необычном госте.

– Самойловский любимчик, – охарактеризовал Воронова следователь райотдела. – На земле ни дня не работал, сразу в городском управлении осел. Паренек он дерзкий, самоуверенный, но умный и хваткий. Ему для расследования самые запутанные дела дают.

«В том, что он нахал самоуверенный, я уже убедился, – припомнил недавнее randevу Андрей. – А вот что отменный работник, не знал».

В половине шестого вечера Лаптев отыскал у гаражей зеленые «Жигули». За рулем был Воронов, но уже в гражданской одежде.

– Поехали! – сказал он.

Автомобиль тронулся с места и тут же заглох.

– Ты где такую колымагу нашел? – сразу повеселев, спросил Андрей.

– У папани покататься взял. А ты подумал, что это служебная тачка?

Со второго раза двигатель завелся. Воронов вырулил в проулок, потом повернул на проспект.

– Андрей, это правда, что ты всю воровскую верхушку в городе знал? – осведомился он.

– Мало кто из них в живых остался. Ты ведь наверняка помнишь, какие разборки были в начале года. Едва ли не все старые воры на кладбище переехали, а кто из молодежи сейчас рулит, я не в курсе. По-твоему, какую линию мне предложит Самойлов? Организованную преступность?

– Вряд ли. Роман Георгиевич считает, что вся эта организованная преступность – временная пена, которая сама собой сойдет. В чем-то он прав.

– Самойлов считает, что воры в законе не имеют веса в преступном мире?

– В своем замкнутом мирке они, конечно же, короли, а вот если взять повыше, то там все по-другому. Кого из авторитетов ты хорошо знал?

– Сергея Мухина по кличке Муха-цокотуха. Его вотчина – центральное городское кладбище.

– Представь себе такую ситуацию. Некий уважаемый человек, к примеру, владелец «Южсибсоцбанка» Анатолий Лотенко, дает объявление: «Сто тысяч долларов тому, кто принесет мне на блюде голову господина Мухина». Сколько, по-твоему, после этого Муха проживет?

– Не больше суток. Свои же подручные зарежут.

– Вот тебе и ответ на вопрос об оргпреступности. В наше время деньги решают все. Лотенко ничего не стоит нанять небольшую армию и перевешать на столбах всех авторитетов в нашем городе. За ним стоит сила, а за ворами – понятия, которые не могут быть аргументами в заранее проигрышном деле. Я думаю, что для начала Роман Георгиевич тебя на кражи посадит, но это фигия. Ты соглашайся на любую линию, а там я тебя натаскаю.

Андрей ничего на это не ответил.

«Десять лет назад я пришел работать в уголовный розыск, начал с простого опера в рай-отделе, дослужился до заместителя начальника городского ОУР и в одночасье все потерял, – раздумывал он. – Сейчас мне предстоит согласиться начать все заново или окончательно вылететь на обочину жизни. Я за начало! Черт с ним, пусть моим наставником будет этот самоуверенный юнец. Предложит Самойлов должность следователя – не откажусь, на любой оклад пойду, лишь бы снова оказаться в деле, а не сидеть в подвале, как крыса в норе».

6

Начальнику следственного отдела Самойлову было тридцать восемь лет. Он был высокого роста, атлетического сложения, с благородными чертами лица. Особый шарм ему придавали красиво поседевшие виски. Ведь ранняя седина относительно молодого мужчины всегда считалась признаком большого служебного опыта и житейской мудрости.

До августовского путча 1991 года Роман Георгиевич ничем особым не выделялся, в карьерном росте через ступень не прыгал, но после этих событий его имя стало в милицеских кругах нарицательным. «Прет в гору, как Самойлов», – частенько слышалось в прокуренных кабинетах и на товарищеских посиделках после работы. Отчасти это высказывание было верным. Прославившись во времена путча, Роман Георгиевич, к всеобщему удивлению, отказался от вышестоящей должности, предложенной ему в областном управлении, но все остальные почести принял с холодным достоинством российского офицера, лично участвовавшего в защите свободы и демократии.

Едва ли не с лейтенантских времен Самойлов всех, кто был младше его по званию или по должности, называл на «ты». Лаптев не стал исключением.

– Заходи, садись! – по-свойски поприветствовал начальник следствия Андрея. – Как дела? Про ногу не спрашиваю, вижу, что хромаешь. Устраивайся поудобнее. Разговор у нас будет обстоятельный. Виктор, ты не уходи далеко. Как Андрей освободится, отвезешь его домой.

– Я у себя буду, – недовольно буркнул Воронов и скрылся за дверью.

– Андрей, давай перейдем к делу, – заявил Самойлов. – Расскажи мне обо всем, что произошло с тобой с лета прошлого года.

Лаптев вытянул под столом больную ногу, откинулся на спинку стула, кивком спросил разрешения, закурил и сказал:

– В августе меня отправили в командировку в Москву, а очутился я в Томске¹. Уже на месте мне сообщили, что я буду участвовать в составе специального отряда МВД СССР в расследовании убийства директора секретного научного института. При отъезде я думал, что меня вызывают в столицу по вора́м в законе работать, а оказалось иначе. Словом, до сентября месяца никто не знал, где я нахожусь и чем занимаюсь. Из Томска нас перебросили на небольшой островок посреди Оби. Там развернулись события, прямо как в американском боевике. Оказалось, что со сталинских времен в этом закрытом институте ученые мужи работали над выведением гибридного человека...

– Андрей!.. – перебил Лаптева Роман Георгиевич. – Если что-то в твоём рассказе будет касаться государственных секретов, то просто опусти этот момент. Я пойму, о чем идет речь.

– После ликвидации института его деятельность перестала быть секретной. Все разработки сгорели или перестали иметь научный интерес, так что я каких-то особенных государственных тайн не разглашу при всем желании. Итак, нас привезли на остров, где путем скрещивания человека и обезьяны пытались вывести гомункула. С самого начала мы поняли, что

¹ Подробнее об этих событиях рассказано в книге Геннадия Сорокина «Кровавый обман».

руководство института много лет дурачило наше родное МВД, докладывало наверх об успехах в лабораторных исследованиях, хотя ничего подобного не было. Но есть один момент, из-за которого на острове разразилась самая настоящая война. Это так называемый окончательный диагноз, то есть научно обоснованное заключение о невозможности получения потомства от человека и обезьяны. Многие государства проводят исследования по выведению гибридного человека. Эта работа требует вложения огромных финансовых средств. Окончательный диагноз позволит прекратить бесполезные опыты и сэкономит приличные средства из государственного бюджета. Как только мы собрали материалы по окончательному диагнозу, так на острове начался бардак. Выяснилось, что украсть научные секреты хотят командир нашего отряда и еще один офицер-техник. Этот тип через своего брата собрал всех окрестных бандитов и устроил нам кровавую баню. Из всех участников отряда в конечном итоге в живых остались только я и прапорщик-спецназовец. Пулю в ногу я получил уже после сражения неизвестно от кого.

– Тяжко пришлось на острове? – с пониманием спросил начальник следственного отдела.

– Не то слово! – ответил Андрей. – Пару дней мы держали в здании института оборону, прямо как в легендарном доме Павлова. Я в эти дни столько стрелял из автомата, что синяк с плеча полмесяца сходил. Сразу оговорюсь, не знаю, сколько человек я убил или ранил. Там, на острове, не до подсчета было. В какой-то момент у нас не осталось ни сил, ни средств для сопротивления. Мы спаслись с острова бегством в последний момент. Если бы остались на ночь, то сейчас я не сидел бы перед вами. – Лаптев помолчал, вспомнил, как они переправлялись через реку, и продолжил: – Мы бросили все на острове и пешком пошли через тайгу и болота к ближайшему аэродрому. По пути прапорщик, которого я считал своим другом, бежал, оставил меня, раненого, умирать в лесу. Одна местная жительница кое-как поставила меня на ноги. Потом я, уже один, дошел до заброшенной взлетно-посадочной полосы и потерял сознание. Очнулся я только в Томске, в госпитале, а окончательно пришел в себя в конце сентября, уже здесь, в нашем областном центре.

– Андрей, не скрою, я разговаривал с врачами, которые лечили тебя, но из их объяснений ничего не понял. Вроде бы ранение у тебя было не смертельное, так почему же через два месяца лечения... – Самойлов замялся, подыскивая подходящие слова.

Он не знал, как корректно объяснить собеседнику, что его, еще живого, все стали считать покойником.

– В госпитале у меня обнаружили неправильно сросшийся перелом ноги в месте ранения, – прервал неловкую паузу Лаптев. – Так, что еще было? Пневмония, омертвление мышечных тканей ноги, но все это ерунда! По моему мнению, я потерял жизненную энергию во время перехода через ядовитые болота. Местные жители рассказывали об этих болотах разные неправдоподобные ужасы. Я в эти сказки, конечно же, не верил, но оказалось, что зря. Иначе чем можно объяснить, что я без видимых причин начал угасать на глазах у всех? Потерю жизненной энергии лечить доктора еще не научились, вот меня и списали раньше времени. Если бы не жена!.. Я убежден в том, что это она вытащила меня из могилы.

– Какие-нибудь особенные лекарства?

– На всякие диковинные китайские и тибетские препараты моя супруга потратила все семейные деньги, все золото с себя продала, в долги влезла, а толку никакого не было. Я умирал. Уже начались предсмертные галлюцинации. Настал момент, я забылся на несколько дней. Когда очнулся, открыл глаза, увидел, что рядом с кроватью сидит жена, держит меня за руку и беззвучно плачет. Как бы объяснить, что дальше было? Она плачет, по щекам текут слезы, а через ее руку в меня втекает жизненная энергия. Она в прямом смысле слова отдала мне частичку своей силы. Этого хватило, чтобы у меня появилась тяга к жизни. Дальше все пошло само собой. Я начал поправляться, к началу весны уже настолько восстановился, что смог пережить разговор с коллегами из областного аппарата. Вот где было испытание на прочность! При-

ходят перед выпиской ко мне два кадровика. Поговорили они со мной о здоровье, о перспективах дальнейшей работы и, когда я расслабился, предложили написать заявление на увольнение по собственному желанию. Я чуть в ступор не впал. Говорю им: «Ранение ноги я получил не в пьяной драке, а во время служебной командировки». Они мне в ответ: «Какой командировки? Кто тебя туда посылал? Мы тебя в Москву направляли, а ты в Томске очутился». Тут-то я и сел, где стоял. Ситуация получилась пакостная. Она напомнила мне мытарство супруги по высоким инстанциям. Когда жена в сентябре прошлого года начала искать меня, ей в руководстве областной милиции сказали примерно так: «Женщина, что вы от нас хотите? У нас после путча министр внутренних дел застрелился, половина его заместителей уволена или в тюрьме сидит. Кто вам про мужа правду скажет? Ищите его в Томской области. По госпиталям спрашивайте, а мы вам ничем помочь не можем. Мы его в эту командировку не посылали». Как только я понял, куда кадровики клонят, сразу крепко призадумался. Дело ведь можно повернуть так, что я приехал на остров по собственной инициативе и строчил там из автомата по живым людям неизвестно для чего и непонятно из каких побуждений. Согласитесь, ситуация такая, что хуже не придумаешь. Приказа о моем откомандировании и оправдательных документов о ранении нет. В итоге получается, что я не выхожу на работу в течение шести месяцев неизвестно по какой причине.

– Да, дела, – протянул Самойлов.

– Мой разговор с кадровиками напоминал сценку из жизни в Средневековье. Представьте старинный город, готические церкви, помост на площади, на нем плаха и палач с огромным топором. Вокруг помоста толпятся зеваки. Заводят осужденного, ставят на колени, и палач ему по-дружески говорит:

– Ты голову-то на плаху ровнее клади. Удобнее же будет.

Осужденный в изумлении спрашивает:

– Кому удобнее?

– Всем. Тебе, мне, зрителям.

Мой разговор с кадровиками был один в один как эта сценка. Они меня убеждают добровольно уволиться, а я понимаю, что, стоит мне уступить, и я буду вычеркнут из жизни. Мы три дня чуть ли не матом друг друга крыли. Я заявил, что если меня уволят, то поеду к новому министру правду искать. Не знаю, что на них подействовало, только меня вывели за штат и велели ждать решения. Неизвестно какого.

– Что у тебя со званием?

– Ничего. С должности заместителя начальника городского уголовного розыска меня сняли еще в прошлом ноябре. После выписки на новое место не назначили, и я оказался между небом и землей. Кому на меня представление писать, если у меня ни начальника, ни соответствующей должности нет? Третий месяц в капитанах перехаживаю.

– Как ты в Заводском райотделе оказался?

– Вызывают меня в кадры и говорят: «По состоянию здоровья ты не можешь проходить службу в МВД, но зарплату получаешь. Чтобы нам зря не транжирить государственные деньги, ты должен выйти на работу или уволиться». Тут мы опять разругались и пришли к такому решению: пока они не найдут мне должность, я буду сидеть в хозяйственном отделе Заводского РОВД. Вроде бы при деле окажусь и в то же время путаться под ногами ни у кого не стану. Три месяца я провел в подвале родного отдела и понял, что никто мне ничего не ищет. Кадровики ждут, когда я сломаюсь и сам уволюсь, а я держусь и добровольно покидать милицию не собираюсь.

– Что у тебя с ногой? – посерьезнев, спросил Самойлов.

– Через год-полтора я ее разработаю и смогу ходить без палочки, но легкая хромота останется на всю жизнь. По сути дела, сейчас именно травмированная нога стала камнем преткновения. Военно-врачебную комиссию я пройти не смогу, а увольнять меня по состоянию здо-

ровья какой-то приказ не позволяет. Я же не инвалид, передвигаюсь самостоятельно, но для оперативной работы не гожусь. За преступниками бегать не смогу.

– Не всем в нашей системе за преступниками бегать надо! – авторитетно, по-начальственному заявил Самойлов. – Я тут как-то смотрел один современный фильм про милицию. Боже мой, вот бред! В этом кино следователь в кабинете не сидит, воров не допрашивает, а носится целыми днями по городу как угорелый, из пистолета стреляет, челюсти бандитам крушит. А кто, спрашивается, за него уголовные дела расследовать будет? Зачем следователю самому преступников задерживать? Ему что, делать больше нечего? Работа следователя выполняется за письменным столом. Его оружие – авторучка и печатная машинка. Мощь не в бицепсах, а в голове.

Пока рассказчиком был Лаптев, Самойлов согласно кивал каждому его слову. Теперь настала очередь Андрея это делать.

– Значит, так! – продолжил Самойлов. – Ты и сам знаешь, что в нашем государстве происходят грандиознейшие перемены. Впервые на памяти моего поколения политика стала вмешиваться в дела обычных людей. Скажи, кто бы мог подумать, что склоки в окружении главы государства скажутся на всех и на каждом? У нас в стране традиционно народ и политика были разведены по разным углам, а теперь они так столкнулись, что только искры из глаз летят! Как я понимаю, ты пострадал за августовский путч наравне с Янаевым и Пуго. Но ты-то не заговорщик, Горбачева свергнуть не хотел, а оказался в полном дерьме. Так нынче во всем! Включаешь телевизор и с замиранием в душе ждешь дурных новостей из столицы. Что они, сволочи, за этот раз выдумают? Какую подлянку нам подкинут? – Самойлов неожиданно замолчал, задумался, отстучал пальцами строевую дробь по крышке стола и продолжил: – Сейчас наше общество расколото на противоборствующие группы и группировки. В Москве Ельцин борется с Верховным Советом, и это все видят. Процессы, протекающие у нас, в сибирской глубинке, пока никому не заметны и не интересны, но они есть и когда-нибудь обязательно выплеснутся наружу. Я считаю, что мы не имеем права благоденствовать и взирать на все с равнодушием деревенского дурачка. В тот момент, когда наш город превратится в кипящий котел, мы должны быть готовы к любому развитию событий. Ты согласен с этим?

Лаптев охотно кивнул. Разговор с начальником следственного отдела шел в нужном направлении.

– Буду с тобой откровенен. Я уже сформировал в городском управлении свою команду, подобрал крепких специалистов, но это не те люди, которые не растеряются в экстремальной ситуации. Пожалуй, нет, не так. Мои подчиненные – опытные следователи, но они не готовы к действию в совершенно новой обстановке. Кражи, разбои, грабежи – пожалуйста, расследуют любое дело. А вдруг грянет нечто совсем необычное, такое преступление, которого никогда не было и не могло быть раньше? Нынешняя жизнь настолько динамична и изменчива, что загадывать даже на сутки вперед – дело неблагодарное. В этих непростых условиях я должен иметь в своем распоряжении боевой резерв, готовый к выполнению любой задачи. Политика – дело грязное. Как расследовать уголовные дела с политической окраской и самому не окататься по уши в грязи, пока не знает никто. Мне нужны люди с крепкой психикой и твердыми внутренними убеждениями. Ты – один из них. Пока ты прозябал в опале и неизвестности, я изучил твое личное дело, поговорил с твоими бывшими коллегами и пришел к выводу, что совершенно напрасно Управление уголовного розыска списало тебя в утиль. Андрей, я предлагаю тебе должность старшего следователя в городском управлении. Если согласен, то пиши рапорт на перевод.

Лаптев даже не стал уточнять, почему Самойлов берет его к себе сразу старшим следователем, а не на обычную должность. Стараясь, чтобы руки от волнения не тряслись, он написал рапорт, протянул его через стол.

Роман Георгиевич для порядка пробежался по тексту глазами, отложил лист в сторону и сказал:

– Вот что, Андрей. Тебе придется работать в здании, где совсем недавно ты был большим начальником...

– Плевать! – не стал дослушивать хозяина кабинета Лаптев. – Я не по своей воле вниз слетел, так что стыдиться мне нечего. Если у меня появился шанс продолжить работу в новом качестве, то меня никакими усмешками и кривотолками с пути не собьешь. Роман Георгиевич, я реалист, знаю, что меня ждет. Два года назад в этом здании я справлял свой день рождения. Люди, желающие поздравить меня, в очередь стояли. Прошло два года, и обо мне все забыли. Согласен, в прошлом году я полуживой валялся в госпитале, и поздравлять по большому счету было некого, но в этом-то году могли бы вспомнить! Ан нет, меня уже вычеркнули из перечня друзей и коллег. Я не собираюсь никому ничего припоминать. Работу на новом месте надо начинать, позабыв о своих прошлых заслугах и амбициях. Путь наверх с самого дна всегда не очень-то прост, но я готов пройти его.

– Отлично! Завтра до обеда сдай все дела в Заводском РОВД и приезжай в управление. Часика в два я представлю тебя руководству и покажу новое место работы. О рапорте на перевод даже не думай. Начальник областного следствия подпишет его без разговоров. – Самойлов снял трубку телефона, набрал номер. – Воронов, забирай гостя, отвези домой. Приготовь для Андрея второй комплект ключей от кабинета. С завтрашнего дня вы будете работать вместе.

7

Дома Лаптев прямо на пороге обнял жену и задыхающимся от волнения голосом прошептал:

– Лиза, мы прорвались! Самойлов берет меня к себе на работу. Ты представляешь, уже завтра я выхожу на новое место службы!

– Подожди, Андрюша, успокойся! Объясни толком, кто такой Самойлов и что он тебе предложил.

– Роман Георгиевич Самойлов – начальник следственного отдела городского управления. Он предложил мне должность старшего следователя. Работа, конечно же, не сахар, но это конец моей опалы, Лиза. Я снова в деле!

– В уголовный розыск тебя из-за ноги не берут? Ну и слава богу! Я, честно говоря, боялась, что твои бывшие начальники одумаются и вернут тебя в ОУР. Как вспомню, ночь-полночь, а ты вскочил и на работу. Сутками тебя иногда не видела. У следователей работа спокойнее?

– Там свои сложности. Сроки, законность. Но с розыском, конечно же, не сравнить. Работа следователя кабинетная. Самойлов прав, следователь с пистолетом только в кино бегают.

– Андрей, давай поужинаем, и ты мне все по порядку расскажешь.

– Лиза, у меня в организме от таких новостей функция приема пищи отключилась на время. У нас есть что-нибудь выпить? Я бы сейчас стакан водки одним глотком махнул. Подумать только, еще утром был на фиг никому не нужен, а теперь!..

Лиза не стала спорить с возбужденным мужем, достала из холодильника бутылку «Пшеничной», соорудила закуску на скорую руку.

– Андрей, твой перевод не сорвется? – осторожно спросила она. – Вдруг кадровики откажутся назначать тебя на новую должность? У следователей ведь наверняка есть свои ограничения по состоянию здоровья.

– Никто Самойлову возражать не станет. Он нынче в великом фаворе. Что говорить, личный друг президента Бориса Николаевича Ельцина!

– Да ты что?! – поразились супруга. – Ты это серьезно?

– Шучу, конечно. Но спорить с Самойловым из-за меня никто не станет. После августовского путча он неприкосновенен и у себя в следствии может творить все, что захочет. Самойлову несказанно повезло. Он очутился в нужном месте в нужное время, принял правильное решение, а потом уже сама судьба пошла ему навстречу.

Андрей распечатал бутылку, налил рюмку водки, залпом выпил, поморщился, закусил.

Лиза дождалась, пока муж немного успокоится, и только тогда продолжила расспросы:

– Теперь толком расскажи, почему ты так уверен в Самойлове? Ты его давно знаешь?

– Никогда с ним не сталкивался. Если когда-то раньше мы с ним и пересекались по работе, то я его, честно говоря, не помню. Он же в городское УВД из провинции в прошлом году перевелся.

– А тебя он откуда знает?

Лиза обрадовалась новому назначению Андрея не меньше мужа, но ей хотелось убедиться в том, что завтра ничего не изменится, все пойдет по плану, ее супруг вернется домой победителем, а не офицером милиции без должности и перспектив.

– Обо мне справки навести проще простого.

Лаптев потянулся к бутылке, но супруга пресекла эту попытку и заявила:

– погоди, успеешь выпить. Рассказывай про Самойлова.

– Хочешь – слушай! После августовского путча Ельцин запретил КПСС и велел печатать все здания, принадлежащие партии. У нас в областном УВД связываться с таким неблагодарным заданием никто не хотел. Вспомни прошлый год. Шайка Янаева разгромлена, но кто его знает, надолго ли. Представь, на смену нерешительному министру обороны Язову придут новые генералы, которые арестуют Ельцина, вернут власть коммунистам и начнут выявлять всех, кто покушался на партийное имущество. Короче, из областного УВД задание спустили в городское управление. Там прикинули и решили так. Чтобы никому зря не подставляться, пусть обком КПСС печатывает ответственный от руководства УВД. В этот день дежурил Самойлов, только что назначенный начальником следственного отдела. Он спорить ни с кем не стал и поехал на площадь Советов. Теперь вспомни, как выглядит бывший обком партии. Это огромное пятиэтажное здание, построенное в виде квадрата с большим внутренним двором. Кроме парадного входа, там есть еще три или четыре рабочих подъезда и два подземных хода. Один ведет из обкома в Управление КГБ, а второй – то ли на набережную, то ли в подвал одного из домов у реки. Как такую махину опечатать? Что вообще собой представляет этот процесс? В кино милиционеры наклеивают на двери опечатываемой квартиры полоски бумаги или ставят пластилиновую печать. Я лично за все время работы в милиции не видел ни одной такой вот двери. Когда-то, в сталинские времена, печать на дверях наводила на обывателей ужас, а нынче ее обязательно сорвут. Просто так, из хулиганских побуждений сдернут. Словом, как опечатывать обком, не знал никто, даже сам Самойлов. Он приехал туда и обнаружил в фойе здания действующий милицкий пост. Охранники пояснили Самойлову, что покинуть здание они не могут. Вдруг пожар или воры заберутся, кто тогда за утерю или порчу государственного имущества отвечать будет? Роман Георгиевич сориентировался на месте и принял соломоново решение, которое устроило всех. Он опечатал парадный вход полосками бумаги, а охранников оставил внутри. К слову сказать, смену они ждали трое суток. Представь, четыре сержанта в огромном здании день за днем ждут, когда в Москве решат, что же теперь делать с арестованным имуществом КПСС. Но речь не о них. Итак, Самойлов. Торжественный процесс опечатывания обкома запрещенной коммунистической партии проходил в присутствии корреспондентов областного телевидения и двух местных газет. Остальные СМИ это шоу игнорировали. В стране и в городе в эти дни других событий хватало.

Андрей посмотрел на бутылку, прикинул, что завтра до обеда он ни с кем, кроме хозяйственных работников Заводского РОВД, общаться не будет, и плеснул себе еще водки в рюмку.

– Не отвлекайся! – велела ему супруга.

– Итак, начало событий тебе известно. Прошло немного времени, и в дело вступил его величество случай. Корреспондент некой центральной газеты передал в редакцию репортаж об аресте имущества КПСС. Он и рад был бы другую заметку написать, но у нас в области событий, связанных с подавлением путча, не было, вот и пришлось высасывать новости из пальца. В суматохе заметка не была отредактирована, и по тексту получилось буквально следующее: «По приказу президента Ельцина подполковник милиции Самойлов Р. Г. опечатал обком КПСС». Суть понятна? Для областного начальства эта заметка была как гром среди ясного неба. Они вызвали Самойлова и говорят: «Когда это тебе Ельцин приказал обком опечатать?» Тот развел руками: «Заметку-то не я писал!» Но не зря говорится, что написано пером, то не вырубишь топором. Наш народ привык верить газетам, тем более центральным. Написали, что Ельцин лично поручил Самойлову опечатать обком, значит, так оно и было. Не будут же областные власти опровержение писать! Все дело закончилось бы пшиком, но тут приходит из МВД распоряжение представить в администрацию президента список лиц, отличившихся при защите демократии во время августовского путча. Кто в нашей области оказался главным борцом с путчистами? Самойлов. Остальные-то сидели сложа руки, ждали неизвестно чего, а он, бравый подполковник, в сложной обстановке не растерялся и лишил партократов места работы. Кадровики областного УВД составили список. Первым в нем был Роман Георгиевич. Ему и достались все почести. От министра внутренних дел – медаль «За охрану общественного порядка», от президента – благодарность, от директора коммерческого банка «Альфа-Восток» – денежная премия в размере пятидесяти тысяч рублей. Как сейчас помню, у меня в то время зарплата была рублей триста, а Самойлову разом наличными в кассе полста тысяч выдали. Недурно за две приклеенные бумажки? Сейчас Роман Георгиевич – фигура знаковая. Представь, герой борьбы за демократию, чуть ли не личный друг Ельцина. Кто ему слово против скажет?

– Надолго ли такие почести?

– До завтра бы продержался, а там трава не расти! Что тебе еще про него рассказать? Выдающимся специалистом в следственной работе Самойлова никто не считает, но он талантливый организатор, умеет правильно распределить работу между подчиненными. Каждый человек у него на своем месте.

– Откуда ты это все знаешь?

– Лиза, я три месяца в норе сидел или поднимался на этаж, с мужиками чай пил да последние новости выслушивал. Самойлов – чуть ли не любимая тема в разговорах. Все косточки ему перемили, всю биографию обсудили.

– Андрей, а ты не будешь комплексовать по поводу того, что вернулся в городское управление простым следователем?

– Чтобы в тему войти, я даже начальником медвытрезвителя согласен вернуться. А что? Работа как работа. Сиди себе в тепле, пьяницам штраф выписывай. Шучу, Лиза! У меня, конечно, кошки на душе скребут, но что поделать! Второго предложения мне никто не сделает. Выпал шанс – надо за него хвататься.

Супруга наклонилась к Андрею, чмокнула его в щеку.

– Не отчаивайся, все наладится. Я тебе об этом говорила, так оно и вышло. Следователем так следователем. Андрей, только не нервничай. Я спрошу у тебя только одно. Ты в свой бывший кабинет не заходил?

– Чего мне там делать? В одну реку дважды не входят. Что было, то прошло. К тому же сейчас на моем месте Игорек Ефремов сидит, а я с ним никогда не мог общий язык найти.

8

В пятницу, 16 октября, около двух часов дня оператор телекомпании БТК Джон Флейк прибыл в аэропорт «Домодедово». На входе в терминал внутренних авиалиний его поджидал режиссер-постановщик новостных телепрограмм Том Бузмен.

– Хэллоу, старина! – поприветствовал оператор Бузмена. – Ты не объяснишь мне, что за чертовщина происходит? Сегодня утром меня вызвали в корпункт, всучили командировочные и велели мчаться черт знает куда, в Сибирь, в глухомань!

– Тебя не совсем правильно информировали. Мы едем не в отдаленный поселок, а в крупный областной центр.

– В Сибири любой областной центр – это провинциальная дыра. Даже их хваленый Новосибирск. В России есть только два города с намеками на цивилизацию. Это Москва и Ленинград, да и тот уже бывший. Так какова цель нашей поездки? Будем снимать агонию поверженного монстра в заснеженной Сибири?

– Не надо утрировать, Джон! В Сибири сейчас вполне комфортная погода. Холоднее, чем здесь, но ненамного. Что же касается нашей поездки...

Мужчины прошли внутрь терминала, взяли по бутылке чешского пива в буфете, встали за столик в углу. Народу в буфете было немного. Цены, взлетевшие до небес, отпугивали пассажиров. Рядовые граждане в ожидании рейса предпочитали подкрепляться вареными яйцами, бутербродами с маслом и колбасой, прихваченными из дома.

– Дорогой Джон, события происходят не только в Москве, но и в Америке, – продолжил оператор. – Кстати, ты знаешь, кто по национальности наш дорогой босс, председатель совета директоров БТК Ив Савенкофф?

– Американец, кто же еще.

– Он-то американец, слов нет, на свет появился в Балтиморе, а вот папаша его родом из Западной Украины. До того как натурализоваться, его звали не Мик Савенкофф, а Микола Савенко. Я знал старика Мика – редкая сволочь. В каждом он видел агента НКВД и всю жизнь никому не доверял. Сына к управлению компанией допустил только в середине восьмидесятых годов, незадолго до своей смерти.

– Забавный был старичок? – Джон уже в который раз поймал на себе любопытный взгляд парнишки, сидящего за соседним столиком.

«В России уже год как победила демократия, а иностранцы все еще в диковинку, – отметил оператор. – Ничего, пройдет лет десять, и вы перестанете реагировать, услышав английскую речь».

Режиссер отпил пива прямо из бутылки и продолжил:

– Во время войны Микола Савенко служил в СС, воевал против русских в составе дивизии «Галичина». После разгрома Гитлера он каким-то чудом перебрался в английскую зону оккупации, подделал документы и оказался вначале в Канаде, а потом в Балтиморе. С помощью украинской диаспоры устроился на работу в крупный универмаг, поднакопил денег и открыл свое дело. Году так в семидесятом он основал «Балтиморскую телевизионную компанию» – БТК. До самого последнего вздоха старик опасался, что его разоблачат и выдадут русским. К чему я тебе это все рассказываю? Наш нынешний босс воспитан в семье, где царил культ ненависти к русским и коммунистам. – Бузмен поставил пустую бутылку на столик перед собой.

Мужчина, проходивший мимо, ловко смахнул ее со стола, спрятал в сумку и пошел делать новый круг в поисках освободившейся стеклопосуды.

– Сервис! – Флейк усмехнулся. – Русские идут по правильному пути.

– Так на чем я остановился? – спросил режиссер. – Ах да, на семействе Савенкофф. Так вот, в конце восьмидесятых годов наш босс Ив получил солидный гранд от Фонда развития демократии на освещение перестройки в Советском Союзе. На эти деньги он открыл два корреспондентских пункта и взялся за дело. До поры до времени все репортажи из СССР были пресными и малопонятными для американского обывателя. Инвесторы уже подумывали о сворачивании программы, но тут грянул прошлогодний путч, и дела пошли на лад. Целый год мы снимали сливки с августовской революции, но всему хорошему приходит конец! В Москве утвердился Ельцин, коммунисты попрятались по щелям. Наступила эпоха первоначального накопления капитала, или, проще говоря, тотального воровства. Разграблением национального достояния американскую публику не удивишь. Инвесторы снова заговорили о закрытии корреспондентских пунктов в России. Был бы Ив Савенкофф обычным бизнесменом, он так бы и поступил. Финансовой отдачи с наших репортажей в БТК нет никакой, даже реклама не помогает свести концы с концами. Но наш Ив не простой бизнесмен, а ярый русофоб и антикоммунист. Он не может закрыть московский офис и лишит себя возможности лишний раз облить грязью Россию. Чтобы как-то выкрутиться из положения, на прошлой неделе Ив собрал совет директоров БТК и поставил задачу осветить события в России с нового, неожиданного для всех ракурса.

– Если новостей нет, то их надо выдумать, – догадался Флейк.

– Примерно так. Только не выдумать, а создать. Совет директоров решил сыграть на противостоянии коммунистов и демократов в Сибири.

– Чушь! – возразил оператор. – Я живу в России недолго, но успел познакомиться с ребятами из Си-эн-эн. Во время августовского путча их бригада была в Сибири. Они своими глазами видели, как за Уралом отнеслись к мятежу ГКЧП и его разгрому. Том, в разгар московских событий сибирякам было наплевать на противостояние в столице. Прошел год. Ты думаешь, что-то изменилось?

– Год назад в России не было состоятельных людей, а теперь они есть.

– На что ты намекаешь? – не понял оператор.

– Не всем нынешним богатеям достался кусок государственного пирога. Кому-то пришлось просить кредиты на Западе. В городе, куда мы летим, главный олигарх по уши в долгах перед нашими банками и ради отсрочки выплаты по кредитам пойдет на все, на любую провокацию.

– Этого только не хватало! – возмутился Флейк.

Ему совершенно не хотелось участвовать в освещении уличных беспорядков. Подставлять свою голову под град камней революционеров или милицейские дубинки? Нет, увольте, господа! Собственное здоровье намного важнее любого вознаграждения.

– Джон, не трепещи крыльями раньше времени! – успокоил коллегу режиссер. – Никто не собирается делать революцию с баррикадами и перестрелками. Акция, которую задумал провести Ив Савенкофф, будет бескровной, но резонансной. Сюжет вкратце таков. Далекая загадочная Сибирь. Пока народ наслаждается вновь обретенной свободой и обилием товаров на рынке, заговорщики-коммунисты готовят переворот. Чтобы открыть людям глаза на их происки, группа демократически настроенных бизнесменов сносит памятник Ленину, воздвигнутый когда-то на главной площади областного центра.

– Том, а кто этот монумент сносить будет? – осведомился Флейк. – Это в Москве, в горячке, памятник Дзержинскому демонтировали, а в Сибири...

– Джон, политика не наше дело. Мы телевизионщики. Наша задача – снять красивую картинку и подать ее американскому зрителю в соответствующей упаковке. Кто и как будет сносить вождя с пьедестала, нас не касается.

– Все это понятно, но у меня есть один вопрос. А вдруг коммунисты встанут горой за своего кумира? Тогда как? Мне с видеокамерой на плече от разъяренных большевиков убегать неохота.

– В совете директоров все продумали. У нас есть два сценария. Ни по одному из них тебе лично в толпу лезть не надо будет. С нашей корреспонденткой в народ пойдет другой оператор, а ты займешься съемками общего плана... – договорить режиссер не успел.

К их столику подошел мужчина лет пятидесяти, добротнo, но неброско одетый. С первого взгляда Флейк узнал в нем соотечественника, совсем недавно приехавшего в Россию.

– Привет, Том! – обратился он к Бузмену. – Подскажи, где здесь туалет? Ни указателей, ни черта нет. Не аэропорт, а лабиринт какой-то.

– В другом конце терминала есть платный туалет, а общий, бесплатный, тут недалеко. Но туда я тебе ходить не советую. Гадюшник, грязи по колено.

– Хорошо, прогуляюсь до платного.

После его ухода оператор спросил:

– Кто этот хам? Его в детстве мама не учила, что надо здороваться при встрече?

– Это Дик Янг, представитель балтиморских деловых кругов. У него с собой есть волшебная палочка, конфиденциальное письмо от наших банкиров тому человеку, который организует снос памятника.

– Кто же этот смельчак? Почему он не побоится поднять руку на священную статую?

– Некто Анатолий Лотенко, председатель Союза предпринимателей Западной Сибири. Демократ до мозга костей, но не это главное. Наши банкиры крепко держат его за яйца, так что Лотенко выполнит любые их указания.

К американцам подошла цыганка с младенцем на руках, что-то сказала по-русски. Флейк полез в карман за кошельком, но режиссер остановил его.

– Даже не вздумай! – предостерег он. – Если ты дашь цыганке хоть рубль, она от нас до самой посадки в самолет не отстанет.

– У нее же ребенок голодный!

– Здесь полстраны голодных. Всех не накормишь. – Режиссер что-то сказал женщине по-русски.

Цыганка обозвала его жмотом, пожелала обоим американцам разбиться в авиакатастрофе и удалилась, шелестя длинными цветастыми юбками.

– Что ты сказал ей? – поинтересовался Флейк.

– Иди в церковь, там подадут. Один знакомый с российского телевидения научил. Действует безотказно, как магическое заклинание.

Мужчины, занятые обсуждением цыганки, не заметили, как к их столику подошла симпатичная женщина, одетая как истинная американка: легкая курточка, потертые джинсы, кроссовки.

– Привет, мальчики! – весело сказала она. – Отбиваетесь от местных попрошаек? Эти цыганки меня на входе окружили, еле вырвалась.

– Джон, позволь представить тебе Сару Блант, нашу корреспондентку. В Сибири ты будешь освещать ее репортажи.

– Рада познакомиться. – Корреспондентка протянула руку. – Вы наш новый оператор? Какая жалость, что Эндрю так внезапно заболел и нам пришлось потревожить вас.

– Никаких проблем, Сара! – с улыбкой произнес Флейк. – Что может быть лучше прогулки по экзотическим местам в приятной компании?

– Том, здесь можно купить кока-колу?

– Конечно! – ответил режиссер. – Нынче у русских она стала национальным напитком. По вкусу дерьмо напоминает, но употреблять можно.

Женщина натянуто улыбнулась и пошла в буфет. Грубые шутки коллеги в присутствии незнакомого мужчины были неприятны ей, но не настолько, чтобы делать режиссеру замечание.

– Сколько ей лет? – посмотрев на Сару, спросил Флейк.

– Сорок два.

– Ого! – удивился оператор. – Я думал, лет тридцать пять, не больше. Она отлично выглядит для своих лет. У нее гладкая кожа, никаких намеков на морщины.

– Массаж, сауна, диета, косметика от ведущих производителей. У Сары двое взрослых детей и муж, с которым она все никак не может развестись.

– Ты не похлопочешь, чтобы в гостинице наши номера оказались рядом? – полупуштя-полусерьезно спросил Флейк.

– Даже не думай! – заявил режиссер. – Сара на интрижку не поведется.

– Что-то не похожа она на пуританку. Или девочками увлекается?

– Сара – гетеросексуалистка, от слова «гетера». У нее очень прогрессивные взгляды на взаимоотношения полов.

– Тогда в чем проблема? Организуй нам номера по соседству, а дальше уже мое дело.

– Ничего у тебя не выйдет, дорогой Джон! У Сары есть одно необычное хобби. В каждой командировке она соблазняет местного мужчину и развлекается с ним до самого отъезда. Суть этого действия состоит в познании быта и нравов через секс.

– Ты это серьезно? – с искренним удивлением осведомился Флейк.

– У Сары есть альбом, куда она вклеивает фотографии своих любовников, одетых и в negligé. Я его видел. Кого только в нем нет! Сомалийцы, сербы, албанцы, арабы. Три последние страницы занимают русские. В свободное время Сара пишет заметки о своих сексуальных приключениях в женские журналы. Что-то вроде занимательных репортажей. Где была, с кем спала, какие ощущения получила. Поговаривают, что ее муж подался в бега после того, как понял, что статьи Сары вовсе не шутка, а самые настоящие откровения бывалой журналистки.

Попробовав у буфетной стойки кока-колу, Сара Блант вернулась к мужчинам.

– Том, ты был прав, – сказала она. – Эту мерзость пить невозможно. Из чего они ее делают? Из желудей?

– Из нашего концентрата для стран третьего мира. Ты на этикетке не прочитала предупредительную надпись: «Продукт изготовлен исключительно для распространения за пределами США»? То-то! Здесь все заграничное, что продается за рубли, подделка или товар с истекшим сроком хранения.

– Тише! – прервал их Флейк. – Наш рейс объявили. Пошли на посадку.

9

В пятницу вечером бизнесмены областного центра встречали в аэропорту американскую съемочную группу. В последний момент в состав этой делегации был включен Сергей Козодоев. По плану ехать в аэропорт должен был его отец, но Владимир Семенович сослался на состояние здоровья и от скучного мероприятия увильнул.

Встреча американцев прошла не без накладок. После того как к «Ту-154» был подан трап, выяснилось, что автобус для перевозки пассажиров по летному полю сломался. Поэтому гости областного центра вынуждены были пешком идти по бетонке в здание аэропорта. Российские пассажиры, привычные ко всему, брели молча, а американцы радовались этому маленькому приключению как дети. В США при таком казусе все сидели бы в самолете и ждали другого автобуса, а тут, в Сибири, все было просто. Дескать, что, транспорт сломался? Ну так пошли пешком. Тут недалеко.

В составе американской съемочной группы была симпатичная ухоженная женщина.

Проходя мимо Сергея, она поприветствовала его на неплохом русском языке:

– Привет, красавчик! Отлично выглядишь.

Козодоев хотел сказать что-нибудь в ответ на родном для иностранки языке, но английский не был его коньком. Со школьных времен Сергей помнил всего с десятков разрозненных слов, ни одно из которых в данную минуту никак не годилось.

Эта дамочка увидела, что ввела мужчину в смущение, и игриво подмигнула Сергею. В этот миг жизненные приоритеты Козодоева сдвинулись. У него вдруг возникло непреодолимое желание познакомиться с американкой, стать ее другом и любовником. Весь оставшийся день Козодоев строил планы, как ему добиться своего, но ничего определенного так и не придумал.

В субботу он проснулся, полный решимости любыми путями завоевать сердце прекрасной незнакомки.

«Она настоящая американка, – мечтал Сергей. – Это не с местными девками в распутных невест играть. Добиться ее – дело, достойное настоящего мужчины. Съезжу к родителям, узнаю, зачем я им понадобился, и займусь иностранкой».

Как всегда при появлении на горизонте новой женщины, Сергей почувствовал небывалый подъем. Жизненные силы в нем забурили, мысли стали ясными и четкими, словно он пару месяцев вел здоровый образ жизни на отдаленной таежной заимке.

«Американку за деньги не купишь, положение в обществе моего отца ее не волнует, так что борьба предстоит не шуточная, – раздумывал он. – Придется мне задействовать весь свой опыт оболъщения. Господи, еще совсем недавно я об Азатян думал, и тут такая нимфа нарисовалась! Женщина моей мечты. Иностранка из Балтимора. Сказочная, невероятно сексуальная фея. Богиня!»

Причина неустроенности личной жизни Козодоева состояла в его неумной тяге к женщинам. Женился он рано, почти сразу же после службы в армии. Свою будущую жену встретил на вечеринке у друзей, месяц для приличия поухаживал за ней и повел в ЗАГС. В первый год семейной жизни, пока Козодоев учился в политехническом институте, между супругами царил полное взаимопонимание. Они жили на съемной квартире, средства для существования, не стеснясь, брали у родителей Сергея.

Но вскоре Козодоев-старший поставил сыну ультиматум. Мол, ты, сын, содержишь свою семью сам. Или же пусть финансированием вас занимаются родители жены.

Сергей подумал и кардинально изменил свою жизнь. К удивлению знакомых, он перевелся на заочное отделение и уехал работать вахтовым методом на Север.

В первое же возвращение с вахты Козодоев с приятелями пошел в ресторан, присмотрелся к девушкам за соседним столиком и послал им с официантом бутылку шампанского. Соседки оценили внимание незнакомых, хорошо одетых мужчин и перебрались за их столик. Наутро Сергей проснулся в студенческом общежитии, в одной кровати с девушкой, имя которой не мог потом вспомнить. Разбитый и усталый, он вернулся домой, отмахнулся от жены и лег спать.

«Черт возьми, – ворочаясь в постели, думал он. – Ведь я же самым натуральным образом купил эту женщину. Вначале все было ненавязчиво. Шампанское, поцелуйчики в щечку, потом в ход пошел пятизвездочный коньяк. Сколько я денег спустил в ресторане? Я выполнял любые пожелания этих хохотушек-студенток и перед закрытием мог выбрать любую из них. Зря говорят, что не в деньгах счастье! В них, родимых, в рублях».

С этого дня жена стала для Козодоева обузой. Он присмотрелся к своей супруге и счел, что она годится только для ведения домашнего хозяйства. Для любовных утех у нее нет ни игривости, ни смазливой внешности, ни умения сексуально одеваться. Но с разводом Козодоев решил не спешить, тем более что его родители привыкли к невестке и вряд ли одобрили бы их расставание.

Спустя год Козодоев-старший вызвал сына с Севера и назначил директором магазина по продаже товаров, поступающих из Германии. На новом месте работы доходы Сергея заметно выросли, и он смог найти определенный баланс между семейной жизнью и развлечениями с женщинами.

Супруга на его похождения закрывала глаза.

«Перебесится, все нормально будет, – рассуждала она. – Вот родим ребеночка, и Сергей остепенится, а пока пусть развлекается. Меня-то он не забывает и деньгами не обижает».

Вскоре покупать любовь Козодоеву наскучило. Он стал злым, раздражительным, не знал, чем занять себя в свободное время.

Все изменилось после бракосочетания его школьного товарища. На веселой, шумной свадьбе пьяные гости по старинному обычаю украли невесту и поставили Сергея ее охранять. Так как заняться на темной лестнице ресторана было нечем, Сергей с новобрачной стали целоваться и так увлеклись, что неизвестно, чем бы дело закончилось, не подоспей вовремя друзья жениха.

После этого свадебного приключения у Козодоева улучшилось настроение, хандра прошла, тяга к женщинам, погасшая было, вспыхнула в нем с новой силой. Он даже стал больше внимания уделять жене, представлял ее себе в роли распутной невесты.

С началом работы в СГТС финансовых и кадрово-управленческих возможностей у Козодоева стало гораздо больше. Он решил воплотить некоторые свои фантазии в жизнь.

Узнав, что замуж собирается неприметная девушка Света из технического отдела «Сибгазтранссервиса», Сергей вызвал ее к себе и поставил условие. Она перед свадьбой уединяется с ним и получает богатый подарок или же будет уволена без объяснения причин. Света, не задумываясь, согласилась. По желанию Козодоева будущая невеста была на встрече в оригинальном наряде: белом прозрачном платье, чулках с подвязками и фате.

После этого мероприятия у Козодоева приключился такой всплеск сексуальной активности, что он буквально терроризировал собственную жену. Как следствие она через девять месяцев родила дочь.

Следующая невеста Сергея обманула. Она согласилась на встречу с ним, но предварительно рассказала будущему мужу, что именно от нее хочет директорский сынок. Козодоев и предприимчивая невеста весело провели время. Сергей в качестве подарка оплатил половину расходов на свадьбу, но узнал, что жених с самого начала был в курсе его домогательств, и почувствовал себя обворованным.

«Что за черт! – негодовал он. – Секс с посторонним мужчиной до свадьбы не считается изменой! Что же получается, я ей пирушку на полста человек просто так оплатил?»

Но не все сотрудницы поддавались на шантаж и угрозы. Одна из них предпочла уволиться, но будущему супругу не изменять.

Потерпев поражение, Сергей вновь впал в депрессию и по совету друзей записался на анонимный прием к известному новосибирскому психоаналитику.

– То, что с вами происходит, называется проблемой легкой доступности, – разъяснил Козодоеву новомодный специалист. – В наше время многие бизнесмены сталкиваются с ней. Из жизни обеспеченных мужчин пропал элемент борьбы за внимание слабого пола. Отсутствие побудительного мотива к активным действиям ведет к депрессивному состоянию или к необычным поступкам, к смене либидо. У меня были пациенты, которые устали от обилия и доступности женщин, становились гомосексуалистами, мазохистами, трансвеститами. В этом нет ничего необъяснимого. Однополая любовь вносит в повседневную рутину разнообразие, новизну. Успешные женщины, кстати, грешат этим чаще мужчин и, я бы сказал, с большей охотой. Но не будем вдаваться в половые перверсии и вернемся к вашему случаю. С женой у вас сексуальная гармония не восстановится. Она для вас пройденный этап.

– Я это уже понял, – вставил Сергей.

Психоаналитик неодобрительно посмотрел на нетерпеливого пациента и продолжил:

– Проблема легкой доступности лечится методом от противного. Что недоступно, то желанно. Все, что вы уже опробовали в интимной жизни, вскоре окончательно перестанет вас удовлетворять. Для оживления либидо я бы порекомендовал вам что-то необычное и трудно-доступное. Я понятно объясняю? Если нет, то давайте зайдем с другой стороны. Деньги – это коэффициент свободы, но одновременно замкнутый круг, внутри которого все продается и все покупается. Вам нужно вырваться из этого круга и встретить женщину, для которой ваше состояние не будет иметь значения. Борьба за эту женщину избавит вас от депрессии и упадка сил.

– Где же мне ее найти? – Козодоев сразу помрачнел.

Врач в ответ развел руками. Мол, не знаю. Я занимаюсь чувствами, а не сводничеством.

В конце сеанса психоаналитик объяснил Сергею происхождение загадочных пятен на его шее.

– У вас повышенная самовнушаемость. Увидев во сне, как вас душит некий враг, вы почувствовали его пальцы у себя на шее, и вот результат – отчетливо видимые следы на коже.

– Погодите, доктор, – встревожился Козодоев. – А если бы меня жена в ту ночь не будила, я что, задохнулся бы?

– Не исключено, – ответил психоаналитик и равнодушно пожал плечами. – Самовнушение – великая сила. Она может быть как созидательной, так и губительной. Если бы ваша супруга не пришла к вам на помощь, то вы могли бы скончаться от удушья без всякого внешнего воздействия. Впредь при появлении таких кошмаров старайтесь сразу же проснуться, не экспериментируйте с последствиями.

После этой поездки в Новосибирск Козодоев расстался с женой. Супруга покинула его без скандала и истерик. Она забрала дочь, оставила квартиру мужу и ушла жить к родителям. По взаимной договоренности Сергей стал выплачивать бывшей жене средства на воспитание ребенка и дополнительный ежемесячный бонус, позволяющий ей не работать и вести независимый образ жизни.

В сентябре этого года Козодоев узнал, что замуж выходит сотрудница их фирмы Азатян, и загорелся идеей соблазнить ее перед свадьбой. Но она опередила его и рассказала Козодоеву-старшему о недвусмысленных намеках Сергея.

После разноса, устроенного отцом в понедельник, Сергей решил на время забыть о невестах и найти утешение в объятиях своих секретарш, но это уже не доставляло ему прежнего удовлетворения. Заместитель директора СГТС загрустил, пару вечеров провел в полном одиночестве. Тут-то, прямо как по заказу, в его жизни и появилась эта американка, женщина загадочная и недоступная.

«Я должен получить ее!» – в который раз за утро решил Сергей.

В половине двенадцатого за Козодоевым-младшим приехала служебная «Волга», и он отправился на обед к родителям. На повороте к коттеджному поселку автомобиль Сергея встал в пробке у перекрестка.

– Авария, что ли, случилась? – недовольно проворчал директорский сынок.

– Нет, драка! – весело ответил водитель.

Сергей посмотрел в сторону, куда показывал шофер. На обочине дороги стоял павильон, торгующий разливным вином. Около него ожесточенно бились человек десять мужиков. Периодически кто-то из них выбегал на проезжую часть и махал руками, призывая водителей вмешаться в потасовку и покарать обидчиков.

– Говорят, они в это вино химию добавляют, чтобы крепче по мозгам било, – сказал водитель. – Я эту разливуху в гостях у брата пробовал. Что-то в ней не то, привкус какой-то странный.

– В наше время все может быть, – согласился с этим Козодоев. – Добавляют же в паленое импортное пиво спирт для крепости, почему бы в вино отравы не плеснуть?

– Сергей Владимирович, а вы бормотуху разливную не пробовали?

– Бог миловал. Когда я был молодым, вино на розлив не продавали, а сейчас я его ни за какие деньги в рот не возьму.

После недолгого побоища у ларька определился победитель, и движение возобновилось. На площади водителю вновь пришлось сбросить скорость до минимума. По выходным здесь торговали с рук всякой всячиной, от второсортной туалетной бумаги и хозяйственного мыла до старых стоптанных ботинок. Площадь не могла вместить всех желающих приобрести или продать ненужный хлам. Народ мешал движению транспорта, смело выходил на дорогу, чтобы обогнуть ряды торговцев.

Пробравшись с черепашей скоростью мимо рынка, «Волга» Козодоева прибавила ходу и помчалась на окраину.

– Как-то вечером мы с женой шли мимо этой толкучки, – возобновил разговор словоохотливый водитель. – Там крысы стаями бегают, объедки доедают.

– Там и сейчас крыс хватает, – философски ответил на это Сергей. – Только они с товаром на руках стоят и по-человечески разговаривают.

За окном мелькнул бетонный забор, щедро украшенный неприличными высказываниями и антиправительственными лозунгами. «Шулейко – вор!» – бросилось в глаза Сергею.

«Кто такой этот Шулейко и что он украл? – подумал сын директора СГТС. – Наверное, кто-то из младореформаторов. Им есть чем поживиться, пока Ельцин у власти. Эх, почему я не в их шайке? Сейчас катался бы как сыр в масле, перегонял баксы за бугор и нравоучения от папашы не выслушивал. Интересно, сколько у этого Шулейко секретарш в приемной сидит? Наверное, с десяток, никак не меньше».

Выйдя на трассу, водитель вдавил педаль газа в пол и быстро наверстал упущенное время.

10

Разбогатец, директор СГТС оставил трехкомнатную квартиру сыну, а сам переехал в коттедж, расположенный на окраине города. Дочери Владимир Семенович предложил купить отдельное жилье, но она пожелала жить с родителями. Оксане так было удобно. Не надо самой заказывать кухарке продукты и контролировать доставку белья из прачечной.

В родительском доме у Сергея была своя комната на втором этаже. Останавливался он в ней редко, только когда перебирал со спиртным и не мог добраться до города.

Званный обед в семье Козодоевых проходил по правилам, установленным Владимиром Семеновичем. Где он подсмотрел этот церемониал, никто не знал, но бывший буровой мастер явно не сам выдумал порядок подачи блюд и напитков. В эту субботу обед начался как обычно. За столом прислуживали официанты из ближайшего ресторана. Большинство кушаний было приготовлено там же.

– Я вижу, ты внял моим словам, – обратился к сыну Владимир Семенович.

– Ты об этой, что ли? – Сергей состроил недовольную физиономию.

– Я о твоём внешнем виде, – поправил его глава семейства.

При жене Владимир Семенович не собирался обсуждать домогательства сына к сотрудникам фирмы.

– Как ты велел. К спиртному я не прикасался! – Сергей воспрянул духом. – Даже в пятницу, в этот священный для трудящихся день, не пригубил ни глотка пива. Здоровый образ

жизни прежде всего! Как говорили во времена моего пионерского детства, кто не курит и не пьет, тот здоровеньким помрет.

– Прекрати паясничать за столом! – подала голос мать. – Что за манера огрызаться на каждое слово?

– Римма, перестань, – успокоил супругу Владимир Семенович. – Я просто хотел напомнить Сергею, что до понедельника в нашей фирме сухой закон.

– Что будет в понедельник? – спросила Оксана.

– В понедельник мы освящаем наше здание, – напомнил дочери глава семейства. – Областное телевидение будет снимать репортаж.

Сергей не выдержал, усмехнулся и проговорил:

– Дружный коллектив бывших коммунистов и комсомольцев на богослужении! Как осенять себя крестным знамением, слева направо или наоборот? Кто бы мог подумать, что не пройдет и пары лет после крушения советской власти, как все такими набожными станут! Скоро, наверное, по воскресеньям в церковь всей семьей ходить станем, проповеди выслушивать и молебны заказывать. «Поддай, Господи, прибыли и процветания нашей фирме!»

– Сергей, прекрати! – рассердилась мать.

– Про белую рубашку не забыл? – спросил Владимир Семенович.

– Помню! Папа, ты мне вот что скажи. Американцы на этом шоу будут?

Глава СГТС испытующе посмотрел на сына, но какого-то подвоха в его вопросе не нашел и ответил:

– Американцы снимут небольшой репортаж о возрождении православия в Сибири.

Римма Витальевна подала знак, официанты внесли в обеденный зал основное блюдо. Это был огромный осетр, запеченный в фольге, украшенный дольками лимона, зеленью и оливками.

– Опять рыба! – надула губки Оксана. – Мама, я же заказывала утиную грудку в клюквенном соусе.

– Утки на юг улетели! – подколот сестру Сергей. – Папа, у нас ничего не случилось?

– Почему ты спрашиваешь об этом? – стараясь быть невозмутимым, осведомился отец.

– Семейные посиделки у нас всегда были в последнюю субботу месяца, а нынче только середина октября. Ты решил поменять обычаи?

– Я много чего решил, – заявил глава семейства.

«Предчувствия его не обманули», – пропел для Сергея хор из мультфильма.

– Папа, не тяни, что случилось? – нетерпеливо спросила Оксана.

Ей хотелось скорее разделаться с обедом и поехать в гости к подруге.

– У нас неприятности с поставщиками? – серьезно спросил сын.

Владимир Семенович отложил в сторону вилку, промокнул губы матерчатой салфеткой.

Римма Витальевна подала обслуге знак покинуть помещение.

– Ну что же, поговорим! – сказал директор СГТС.

Сын и дочь мгновенно уловили перемену настроения за столом и, следуя примеру отца, отодвинули от себя тарелки с едой.

– Как вы знаете, мы живем в эпоху перемен, – продолжил Владимир Семенович. – На смену социализму пришел капитализм. Человек человеку теперь не друг, товарищ и брат, а волк. Как писали раньше, звериный оскал капитализма. Да, что было, то прошло. Места политиков-говорунов теперь заняли воры, а нам красть нечего! – Последние слова глава семейства выкрикнул, словно хотел вбить их в крышку стола как гвозди.

– Володя, успокойся, – попросила его жена.

– Если вы не слепцы, то должны видеть, что период первоначального накопления капитала перешел в стадию поглощения малых предприятий акулами большого бизнеса, – обращаясь к детям, сказал Владимир Семенович. – Мы в масштабах Сибири кое-что значим, но

для государственных корпораций наша СГТС – мелочь. «Газпром» неумолимо поглощает всех конкурентов на рынке производства и транспортировки газа. Наши дни сочтены. Мы не игроки в большом бизнесе, а так, пятое колесо в телеге. Чтобы не лишиться всего нажитого, я принял решение продать фирму. Пока за «Сибгазтранссервис» дают хорошие деньги, надо ловить момент.

«Мне принадлежит треть фирмы, – автоматически отметил Сергей. – Без моего согласия он ничего не сможет сделать. Вернее, ему не удастся продать мою долю».

– Я объявляю вам мое решение, – тоном верховного судьи заявил отец. – В ноябре мы продаем СГТС, вырученные деньги делим так. Я и мать забираем две трети, остальное поровну между вами.

Компьютер в голове Сергея заработал с бешеной скоростью, но мгновенно перегрелся и отказался делать вычисления.

«Моя треть пополам с Оксанкой, это сколько же будет? Почему, спрашивается, отец решил поделить мою долю, а не свою или матери? Так нечестно. Пусть он своей любимой доченьке из своих средств отстегивает, а моих денег не касается».

Вместо того чтобы открыто высказать родителям свое несогласие, Сергей зашел с другого конца.

– Чем мы после продажи активов будем заниматься? – спросил он.

– Я даю вам полный карт-бланш. Что хотите, то и делайте. Я лично к бизнесу больше отношения иметь не хочу. Хватит, покрутился как белка в колесе, пора и отдохнуть.

«Он что, на пенсию собрался? – с удивлением подумал Сергей. – А как же мы?»

– В современной России большие деньги можно делать только с помощью воровства или связей на самом верху, – продолжил Владимир Семенович. – Воровать я не умею, друзей в правительственных кругах у меня нет. Остается... – Владимир Семенович выдержал эффектную паузу, поочередно осмотрел детей, еще раз отер губы салфеткой и объявил финальную часть своего решения: – Мы с мамой уезжаем в Мюнхен. Я уже присмотрел там квартиру в тихом районе и договорился о ее покупке. Здесь, в России, меня ничего не держит.

– А как же мы? – спросила Оксана.

– Как хотите! – отрезал отец. – Квартира в городе остается Сергею. Тебе – этот дом. Автомобили, мебель, ковры и всю прочую обстановку поделите между собой. Мы в Германию ничего не повезем. Все там купим.

– Погоди, папа, – сказал Сергей. – А как же могилы предков, патриотизм, Родина, березки? У нас здесь две бабушки похоронены.

– Могилы предков там, где жить комфортнее. Я гулял по Мюнхену ночью. Даже на рабочих окраинах там безопаснее, чем у нас днем на площади Советов. Да что говорить! В Германии в любую пивную заходишь – там чистота, порядок, все улыбаются. А у нас? Свинство, грязь, бандитизм и оскаленные рожи на каждом углу. Все всем недовольны. Ни одного счастливого лица.

– Папа, я с вами! – не стала дожидаться конца разговора Оксана. – Меня-то здесь точно ничего не держит.

– Чем ты в Германии будешь заниматься? – со злостью спросил Сергей. – Немецкого языка ты не знаешь. Диплом твой в Германии можешь прямо в аэропорту выбросить. Оксана, ты ничего делать не умеешь, ни одного дня не работала, а за границей жить собираешься!

– Не переживай. На новом месте я найду, где устроиться.

– Понятно. Проституткой на трассу выйдешь.

– Сергей! – истерично взвизгнула мать. – Как ты можешь так говорить!

– Мне надо подумать, – сказал сын, встал из-за стола, сорвал с шеи салфетку и бросил ее на стол. – Вы как-то все кулуарно решили, не спрашивая моего мнения. Так дело не пойдет.

– Сядь на место! – приказал отец. – Я еще не закончил.

Сын остался стоять. Он уловил в голосе главы семейства скрытую угрозу, но не знал, как на нее реагировать, продемонстрировать свою независимость или прикинуться, что смирился с решением родителей.

– До ноября срок неблизкий, – заявил Владимир Семенович. – Много может поменяться за две недели. Там, где было что-то, не останется ничего.

Сергей посмотрел в глаза отцу и понял, что проиграл.

«Этот старый козел – единоличный руководитель фирмы. Ему ничего не стоит перекинуть активы в новую организацию и оставить меня с голым задом. Как только я покажу зубы, так он тут же проделает с СГТС тот же номер, который провернул с «Орионом». Ну ничего, папочка, еще не вечер! Посмотрим, кто из нас в дураках останется».

– Прошу прощения. Я погорячился.

Сергей вернулся на место, налил из графина морс, залпом выпил полный стакан.

– Так-то лучше, – одобрил капитуляцию сына Козодоев-старший.

– Чем ты посоветуешь мне заняться после вашего отъезда? – спросил Сергей.

– У нас пустует магазин. Определенный опыт в торговле у тебя есть. Займись куплей-продажей ширпотреба. Сейчас это неплохой бизнес.

– Ты поможешь мне товарами из Германии?

– Нет, – отрезал отец. – Я твердо решил выйти из игры. Приеду в Мюнхен, осмотрюсь и буду жить как обычный немецкий бюргер на пенсии. Рыбалка, путешествия по Европе, прогулки по горам. Римма, мы будем с тобой встречать восход солнца в баварских Альпах. Представь себе свежий воздух, изумрудные лужайки, ручейки, цветочки. Красота! – Владимир Семенович протянул руку к бутылке нарзана, но передумал.

– Эй, есть кто живой? – крикнул он.

В дверной проем тут же услужливо выглянул официант.

– Принеси нам по бокалу вина.

Дальнейшее застолье, сдобренное легким возлиянием, прошло в натянутой обстановке. Как только представилась возможность, Сергей засобирался домой.

– Меня в город отвезут или на остановку идти? – спросил он.

– Это что за новости? – нахмурился отец. – С каких это пор ты стал отделять себя от семьи? Мой водитель в твоём распоряжении.

После отъезда сына Римма Витальевна поднялась в свою комнату, плотно прикрыла за собой дверь, набрала номер домашнего телефона Марины.

– Алло, – ответила личная секретарша Козодоева-младшего.

– Здравствуй, девочка моя. Как дела? Марина, нам надо встретиться. Завтра в полдень жду тебя в нашем кафе. Постарайся не опаздывать.

Сергей с облегчением покинул родительский дом и всю дорогу размышлял о превратностях судьбы.

«С юных лет я иду по полю, на котором на каждом шагу разбросаны грабли. Под ноги мне лень смотреть, вот и получаю черенком по лбу. Бац, бац – а толку никакого нет! Спрашивается, какого черта я так наплевательски относился к изучению иностранного языка в школе? Сейчас приперло, а я по-английски двух слов связать не могу. Но это дело прошлое, а фирма – вот она. Я каждый день в своем кабинете штаны просиживаю, а ума не нажил. Подумать только, я, заместитель директора, даже приблизительно не представляю стоимость наших активов. Как бы мне заполучить балансовый отчет за прошедшее полугодие? Не тот, который отец представляет проверяющим органам, а настоящий? Он ведь мог уже тайно продать все периферийные активы и деньги перекинуть в мюнхенские банки. Черт, доллары! Как пить дать, папаня сделку проведет в рублях и со мной ими рассчитается, а сам конвертирует выручку в валюту и с ней умотает за границу. Если он намерен продать СГТС иностранцам, то уже наверняка оговорил

с ними схему продаж. Третью для меня и налоговиков за рубли, а себе за доллары или марки. Он скинет покупателям процентов пять, и они с радостью пойдут на такой вариант сделки. Почему у меня нет доверенного лица в бухгалтерии? Мне бы, дураку, вместо того чтобы со своими девками в комнате отдыха кувыраться, надо было давно с какой-нибудь бухгалтершей замутить. Но ничего, еще не все потеряно! У Маринки хорошие отношения с планово-финансовым отделом. Пошлю ее на разведку. Она девушка смышленная, если копию отчета не сопрет, то итоговые цифры запомнит».

Не доезжая двух кварталов до дома, Сергей велел водителю остановиться.

«Пройдусь немного пешком, подумаю», – решил он, но ноги сами принесли его к домовой кухне, где в наскоро оборудованном буфете продавали на розлив водку в пластмассовых стаканчиках.

– Сто пятьдесят граммов и стакан томатного сока, – заказал Козодоев.

Буфетчица ловко открыла новую бутылку, налила Сергею почти полный стаканчик водки.

«Интересно, сколько она недоливает с каждого заказа? – подумал Сергей. – На глаз ведь льет и даже не пытается изобразить, что отмеряет дозу с точностью до грамма».

Козодоев отошел за свободный столик, поставил на него стаканы, решил посолить сок, но тут же отказался от этого намерения. Соль была подозрительного серого цвета, с вкраплениями засохших крошек хлеба.

«Выпью так!» – решил он и опрокинул в себя содержимое стакана.

Водка была теплой, отдавала ацетоном и еще какой-то химией. Чтобы она не вырвалась наружу, Сергей немедленно запил соком и пошел покурить на улицу. После первой же затяжки он слегка опьянел, повеселел и решил выпить еще сто граммов, но уже в другом месте. По пути домой ему попалась рюмочная. Водку там подавали лучшего качества, но любимого томатного сока в ассортименте не было. Сергей закусил выпивку бутербродом с вареной колбасой и, пошатываясь, двинулся к дому.

На углу у гастронома к нему привязался грязно одетый мужичок в засаленном пиджаке с орденскими колодками.

– Земляк, помоги участнику войны, дай сто рублей на похмелку. Помираю, трубы горят!

Козодоев презрительно взглянул на этого фальшивого ветерана. На вид тому было лет пятьдесят с небольшим. Свои ордена он мог заработать только в тыловом роддоме, где громче всех младенцев требовал соску.

– Да пошел ты! – отмахнулся от привязчивого незнакомца Козодоев.

Не успел Сергей отойти на приличное расстояние, как его догнали двое нетрезвых парней в спортивных костюмах нараспашку.

– Стой, козел! Это ты, фашистская морда, ветерана обидел?

Ответить Сергей не успел. Первый удар пришелся ему в глаз, второй – в солнечное сплетение, еще один, ногой, – по почкам. Пока Козодоев ловил ртом воздух, парни затащили его за угол дома, стащили с плеч кожаную куртку и скрылись с добычей в лабиринте дворов.

Что было дальше, Сергей помнил смутно. Очнулся он уже ночью, на полу у себя в прихожей.

«Слава богу, живой добрался! – подумал он. – Могли бы ведь, гады, и по голове огреть. Валялся бы сейчас у гаражей с проломленным черепом».

Козодоев ощупал лицо и понял, что с ним что-то не так. Он включил свет в прихожей, посмотрел в зеркало и застонал.

– Боже мой, только не это! Как я в понедельник на богослужение пойду? Проклятые грабители! Мало им новенькой куртки, так они еще синяк мне под глазом поставили. За выходные он точно не пройдет, придется с побитой физиономией на работу идти.

Сергей выдохнул на зеркало алкогольные пары, почувствовал себя дурно, поспешил в туалет и очистил желудок от поддельной водки из домашней кухни.

11

В понедельник утром, перед работой, Сергей попытался замазать синяк под глазом тональным кремом «Балет», но тщетно. Ядреный фанат, отливающий всеми оттенками лилового цвета, никакими косметическими средствами нельзя было замаскировать.

«Ну и черт с ним!» – решил Козодоев и спустился к «Волге», ожидавшей его во дворе.

Девушки из личного секретариата Сергея на появление побитого начальника отреагировали сдержанно. Марина и Катя сделали вид, что ничего не заметили, а простодушная Аня ойкнула.

Отец, увидев своего заместителя в образе вокзального бомжа, впал в ступор.

Несколько секунд он молча разглядывал сына, потом вполголоса спросил:

– Ты с ума сошел? Как ты в таком виде пойдешь на богослужение?

– Может быть, я пропущу это мероприятие?

– Не получится. Референт Лотенко перед приходом священника проверит всех арендаторов по списку. Придется тебе идти с подбитым глазом. Признайся, ты где на кулак нарвался?

– Хулиганы у подъезда напали. Еле отбился.

– В милицию заявлял?

– Нет, конечно! Что толку писать? Все равно никто никого искать не будет.

– Ты запомнил, как выглядели эти мерзавцы? Я могу подключить к их поиску нашу службу безопасности.

– Не надо. Я никого не запомнил и опознать не смогу.

Козодоев-старший вызвал из приемной секретаршу и распорядился:

– Попробуйте привести сына в божеский вид. Нам через полчаса надо выдвигаться на мероприятие.

Секретарша сбежала в производственный отдел, принесла целую коробку кремов и пудры. Поверх «Балета» она наложила еще три слоя косметики, но заретушировать свежий синяк не смогла.

Освящение здания бывшего обкома профсоюзов началось ровно в полдень. На мероприятии работали местные тележурналисты и американцы. Российский оператор ни на шаг не отходил от священника, иностранцы старались держаться в сторонке. Православный обряд их явно не интересовал. Оператор Флейк фиксировал происходящее с таким скучающим выражением лица, словно снимал репортаж о жизни аквариумных рыбок.

Сергей попытался найти среди телевизионщиков Сару Блант, но не смог. Она на богослужении не присутствовала.

Наконец священник отец Пантелеймон закончил молитву и стал окроплять святой водой кабинеты, стены коридора и всех присутствующих. Козодоева-младшего, словно главного грешника в городе, он обрызгал дважды.

– Во имя Отца, и Сына...

Благословение во имя Святого Духа досталось Мякоткину, пятидесятидвухлетнему грузному мужчине, директору коммерческого банка, стоявшему рядом с Сергеем. Мякоткин, окропленный святой водой, перекрестился и растер ладонью капли по лицу, словно умылся божественной благодатью. Козодоев поморщился от такого лицемерия, полез в карман за носовым платком, но достать его не успел.

– Мужские развлечения? – тихо спросил за спиной знакомый голос. – Вы участвовали в боксерском поединке?

Сергей обернулся. Перед ним стояла прекрасная американка.

– Хулиганы напали, – стараясь не привлекать к себе внимание, вполголоса ответил он. Сара понятливо кивнула.

– Могу я пригласить вас на чашечку кофе после богослужения? – учтиво спросил Козодоев.

– В шесть вечера, – очень тихо, одними губами ответила американка. – Я знаю, где ваш офис.

Богослужение закончилось, люди в коридоре разом пришли в движение и оттеснили Сару от Сергея.

«Вот это удача! – ликовал Козодоев, возвращаясь к себе. – Пораньше выгоню девок из приемной, останусь с американкой наедине, а там... – Он представил, как нежно обнимает красавицу, касается губами ее бархатистой кожи, всем телом чувствует взаимность и сливается с ней в долгом страстном поцелуе. – Если я сегодня вечером добьюсь ее расположения, то буду считать, что жизнь прожита не зря!»

В два часа дня руководители организаций, входящих в Союз предпринимателей Западной Сибири, собрались на внеочередное заседание. Проходило оно в актовом зале бывшей цитадели профсоюзов. Председательствовал Анатолий Лотенко.

– Господа! – обратился он к представителям бизнеса. – Позвольте зачитать вам стихотворение, напечатанное в газете «Голос народа» на прошлой неделе. Автор этого произведения – Иван Ляхов. Помните такого? При коммунистах он отвечал за агитацию и пропаганду среди молодежи, а нынче переквалифицировался в поэты.

Откашлявшись, Лотенко вслух прочел поэму «Они наступают, оковы несут!». Поэт из Ляхова был посредственный, зато ему удалось пропитать текст яростной энергетикой человека, люто ненавидевшего буржуазию, реформаторов и демократов всех мастей.

– Вам понятен посыл этого гнусного пасквиля? – спросил Лотенко всех сразу, не дождался ответа и продолжил: – Это нас, бизнесменов Западной Сибири, Ляхов называет коричневой чумой. Это мы с вами, по его словам, как только закрепимся во власти, так тут же построим концентрационные лагеря и разожжем печи крематориев. Я, правда, не понял, кого мы будем сжигать в них.

В зале кто-то засмеялся. У многих людей, находившихся там, были библейские имена. Жечь самих себя и своих близких эти мужчины не собирались.

«Зачем он нас собрал? – с недоумением подумал Сергей. – Иван Ляхов – очень плодовитый поэт. Каждую неделю местные газеты публикуют его стихотворения. В новом произведении Ляхова я не услышал ничего нового. Все тот же набор штампов и лозунгов. Долой фашистов-капиталистов. Выше знамя борьбы за права трудящихся. Про крематории он, правда, раньше не писал, но тему надвигающейся диктатуры капитала как-то развивать надо, вот он и вспомнил про нацистские концлагеря. Про ГУЛАГ, кстати, ничего не сказал».

Сергей обернулся. На последнем ряду, вдали от всех, сидели Сара Блант и мордастый иностранец, не пожелавший снять кепку в помещении. Ему речь Лотенко явно нравилась. Услышав о фашистах и крематориях, он одобрительно кивнул. Дескать, молодец! Так держать.

– Позвольте зачитать вам справку, подготовленную нашей службой безопасности, – сказал Лотенко, раскрыл тисненую папку, достал из нее пару листов машинописного текста. – «После запрета деятельности КПСС в нашем областном центре образовалось несколько политических партий и движений, объявивших себя наследниками дела Ленина. Одним из таких движений является Новая коммунистическая гвардия, возглавляемая Алексеем Даниловым, психически неуравновешенным человеком. Заместитель Данилова – Иван Ляхов. На прошедшей в начале октября конференции Патриотических сил Сибири Данилов и Ляхов предложили активизировать борьбу против антинародного режима и перейти от уличных дебатов и шествий к решительным действиям». – Лотенко оторвался от документа, посмотрел в зал, встретился

взглядом с американцем, получил его одобрение и, уже не глядя в текст, продолжил: – Ляхов, Данилов и их банда собираются устроить массовые беспорядки, которые начнутся со штурма нашего здания. Я думаю, не стоит объяснять вам, к чему приведут эти безрассудные действия.

– Разве милиция нас не защитит? – выкрикнул из зала заранее подготовленный вопрос Трецилов, директор торгово-закупочной фирмы, человек довольно болезненного вида.

– Дата выступления Данилова и его приспешников неизвестна, но не это главное. И в милиции, и в Комитете госбезопасности хорошо усвоили уроки августа прошлого года. По сведениям, полученным из наших источников, милиция не станет вмешиваться в народные волнения до тех пор, пока не прольется первая кровь.

– Давайте усилим охрану здания! – снова выкрикнул Трецилов.

– Господа! – повысил голос Лотенко. – Почему мы должны прятать голову в песок и ждать, пока взбесившиеся ультралевые экстремисты не сожгут нас живьем? Мы должны призвать на свою сторону здоровые силы общества и показать Данилову, что знаем о его намерениях и готовы дать достойный отпор. Я предлагаю провести на площади Советов массовый митинг в защиту свободы и демократических ценностей. Выведа народ на площадь, мы покажем президенту Ельцину и всей России, что у нас в Сибири красно-коричневый фашизм не пройдет!

В зале раздались аплодисменты, вначале робкие, разрозненные, потом все более дружные и организованные. Участники совещания, сидевшие в первых рядах, встали, их примеру последовали остальные.

– Фашизм не пройдет! – закричал сосед Козодоева. – Долой красно-коричневую чуму!

В поднявшемся шуме и гвалте Сергей тоже решил проявить свою гражданскую позицию.

Прекрасно сознавая, что его никто не услышит, он выкрикнул:

– Долой поддельную водку!

Лотенко наслаждался единодушной поддержкой соратников, постучал по микрофону, призывая к тишине, и проговорил:

– Господа! После совещания мои помощники раздадут вам план проведения митинга. В нем будет указано, сколько человек должен выставить на площадь Советов каждый из членов Союза предпринимателей Западной Сибири. Не считайте нашу разнарядку принуждением, но другого выхода у нас в сложившейся обстановке нет. Данилов не оставляет нам времени на иные формы подготовки митинга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.